

Средневековый Уэльс. Главным образом в XII и XIII веках: шесть популярных лекций

А. Г. Литтл

Mediæval Wales

A. G. Little

The Project Gutenberg eBook of Mediæval Wales

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Средневековый Уэльс

Автор: А. Г. Литтл

Дата выхода: 29 марта 2008 [eBook #24947]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Сэмом У. и командой онлайн-распределенной корректуры Команда <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/Canadian Libraries)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MEDIÆVAL WALES ***

Средневековый Уэльс

ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ В ДВЕНАДЦАТОМ И ТРИНАДЦАТОМ ВЕКАХ

Шесть популярных лекций

BY A. G. LITTLE, M.A., F.R.Hist.S.

ПРОФЕССОР ИСТОРИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ
КОЛЛЕДЖА ЮЖНОГО УЭЛЬСА И МОНМУТШИРА
АВТОР КНИГИ "СЕРЫЕ МОНАХИ В ОКСФОРДЕ" И ДР.

С КАРТАМИ И ПЛАНАМИ

ЛОНДОН
T. FISHER UNWIN
Патерностер-сквер
1902

[Все права защищены.]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том содержит содержание курса популярных лекций, прочитанных в Кардиффе в 1901 году. Работа ни в коей мере не претендует на оригинальный вклад в знания и публикуется по рекомендации некоторых друзей, в литературном суждении которых я

уверен. В популярной книге такого рода я не счел нужным давать подробные ссылки на авторитеты, но список некоторых книг, которые я использовал при подготовке "Лекций" и которые могут быть интересны читателям валлийской истории, может оказаться полезным. Среди средневековых работ я могу упомянуть две валлийские хроники - *Annales Cambriæ* и *Brut y Tywysogion*, обе опубликованные в серии *Rolls*; "Историю королей Британии" Джеффри Монмутского (переведенную в книге "Шесть древнеанглийских хроник" Bohn); *Giraldus Cambrensis*, "The Itinerary and Description of Wales" (перевод в библиотеке Бона); предисловия, особенно написанные Брюером, в издании *Giraldus* в серии *Rolls*, будут интересны. Из английских хронистов Ордерикус Виталис, Роджер из Вендовера и Мэтью Парис, пожалуй, наиболее ценны для истории Уэльса и Марчей в двенадцатом и тринадцатом веках. Из современных книг читатель может обратиться к Рису и Джонсу, "Уэльский народ"; Фримену, "Уильям Руфус"; Томасу Стивенсу, "Литература Кимри"; Генри Оуэну, "Джеральд Уэльский"; Кларку, "Военная архитектура Средневековья" и "Земля Моргана"; Ньюэллу, "История Уэльской церкви"; Тоуту, "Эдуард I."; и "Словарю национальной биографии". Со времени прочтения этих лекций появилось по меньшей мере три книги по валлийской истории, которые заслуживают упоминания: "Оуэн Глиндвр" мистера Брэдли с кратким изложением ранней валлийской истории; очаровательно написанный том мистера Оуэна Эдвардса в серии "История народов"; и ценная работа мистера Морриса "Валлийские войны Эдуарда I".

Карты взяты с больших настенных карт, которые я использовал во время лекций. При составлении карты Уэльса и Маршей в начале XIII века мне помогал мой друг и бывший ученик, мистер Морган Джонс, магистр наук, из Ферндейла, который великодушно предоставил в мое распоряжение результаты своих исследований по истории Уэльских Маршей.

А. Г. ЛИТТЛ.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
I. ВВЕДЕНИЕ	1
II. ДЖЕФФРИ МОНМУТСКИЙ	27
III. ГИРАЛЬДУС КАМБРЕНСКИЙ	51
IV. ЗАМКИ	77
V. РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОМА	99
VI. ЛИВЕЛИН АП ГРЮФФИДД И ВОЙНА БАРОНОВ	125

КАРТЫ И ПЛАНЫ

	СТРАНИЦА
УОЛЛС И МАРКИ, ок. 1200-1210 гг. н.э.	2
ЗАМКИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОМА	78
ЗАМКИ КАРДИФФА И КЭРФИЛЛИ	88

WALES & THE MARCHES, c. AD 1200 – 1210.

[Посмотреть](#)

[увеличенное изображение](#)

УАЛЕС И МАРКИ, ок. 1200-1210 гг. н.э.

ВВЕДЕНИЕ

В следующих лекциях не будет предпринята попытка дать систематический отчет о политическом развитии, что является обычной темой истории. История - это "прошлая политика" в широком смысле этого слова. Она имеет отношение к росту и упадку государств и институтов, а также к их отношениям друг с другом. История Уэльса в Средние века, рассматриваемая с политической точки зрения, является неудачной; ее интерес негативен; и в этой вводной лекции я намерен обсудить "неспособность нации" (если воспользоваться словами профессора Риса и мистера Бринмора Джонса) "создать какую-либо стабильную и прочную политическую комбинацию". Уэльс не смог создать или развить политические институты прочного характера - он не смог стать государством. Его история не обладает ни единством, ни тем интересом, которым обладает история Англии, и который делает изучение английской истории таким особенно поучительным для студента-политика. В английской истории мы изучаем прежде всего развитие принципа представительного правления, который мы можем проследить на протяжении веков через длинный ряд авторитетных записей. Это великий дар Англии миру. Уэльс не только вошел в это наследство, но и помог его создать. Именно Лливелин ап Айорверт начал восстание против Иоанна, которое привело к принятию Великой хартии, а пункты самой Великой хартии показывают, что это была совместная работа англичан и валлийцев. Уэльс вновь оказал решающее влияние на Войну баронов - смуту, в которой впервые возникла Палата общин. И Уэльс - половина его территории на протяжении более шестисот лет - половина его территории на протяжении почти четырехсот лет - жил в условиях публичного права и административной системы, которые норманнские и анжуйские короли Англии построили на англосаксонском фундаменте. Это публичное право и эта административная система стали неотъемлемой частью жизни и истории Уэльса. Конституционная история Англии - это один из элементов, из которых складывается сложная история Уэльса.

История Уэльса, взятая сама по себе, конституционно слаба; ее интерес - социальный или личный, археологический, художественный, литературный - какой угодно, только не политический. И тот неоспоримый факт, что Уэльс не смог создать никакой постоянной или единой политической системы, требует объяснения.

Окончательное объяснение, возможно, будет найдено в географии страны. Горы сделали многое для сохранения независимости и языка Уэльса, но они же держали его народ разобщенным; и валлийцам потребовалось долгое бурение под институтами, которые могли вырасти только в земле, менее разделенной природой, прежде чем они смогли развить свой политический гений.

Уэльс, во многом благодаря своей географии, имел несчастье никогда не быть покоренным одним махом чужеземной расой завоевателей. На первый взгляд такое завоевание не может показаться благословением, но оно таковым является, если происходит, когда народ находится на ранней, изменчивой и впечатлительной стадии, как можно увидеть из сравнения стран, которые прошли через это, со странами, которые не прошли - сравнение, например, Англии с Ирландией или Германией. Возможно, ближайшей параллелью в истории Уэльса к нормандскому завоеванию Англии является завоевание Уэльса Кунеддой, основателем кимрского королевства, в темные и смутные времена, последовавшие за

уходом римских войск из Британии. Но хотя Кунедда и был захватчиком и завоевателем, он не был чужаком: он говорил на том же языке, что и покоренный им народ, и принадлежал к той же расе, к которой принадлежала большая его часть. И это не давало ему шансов стать основателем валлийского единства. Раса завоевателей, отличающаяся от завоеванных по крови, языку и цивилизации, должна на время сплотиться; они образуют официальный правящий класс, применяющий одни и те же принципы управления и устанавливающий единую администрацию по всей стране. И это единое давление отражается на завоеванных, превращая их из свободной группы племен в нацию. Именно это и сделало Нормандское завоевание для Англии. Но если завоеватели принадлежат к той же расе и языку, что и покоренные, они легко смешиваются с ними; вместо того чтобы держаться вместе, они отождествляют себя с местной ревностью и племенными устремлениями. Это снова и снова происходило в Германии. Саксонский император посылает саксонца управлять Баварией в качестве герцога и удерживать ее в лояльности центральному правительству; саксонский герцог почти мгновенно становится баварцем - защитником независимости племен против центрального правительства; и так немцы остаются свободной группой племен и государств - разделенным народом. Эта иллюстрация позволяет предположить одну из причин, по которой завоевание Кунедды не смогло объединить Уэльс.

И снова обычай делить земельную собственность между всеми сыновьями препятствовал росту валлийского единства. В социальном плане он представляется гораздо более справедливым и разумным, чем обычай первородства. Именно с ростом феодализма (уже заметным в валлийских законах X века) становятся очевидными его политические опасности. Суть феодализма заключается в смешении политической власти и земельной собственности; правитель - лорд земли, землевладелец - правитель. Если земельная собственность разделена, то разделена и политическая власть. Когда в 1197 году умер лорд Рис, оставив четырех сыновей, в Дехеубарте стало четыре правителя и образовалось четыре государства вместо одного, и началась гражданская война.

Единство валлийской истории заключается не в росте государства или политической системы. Но можем ли мы рассматривать историю Уэльса как долгую и героическую борьбу, вдохновленную идеей национальности? Здесь необходимо сделать предостережение. Один из самых тяжких грехов историков - переносить в прошлое идеи настоящего; для широкой публики исторические исследования скучны, если они не могут этого сделать. Избежать этого очень трудно; нужна суровая тренировка, долгое погружение в прошлое и неуклонное стремление к истине превыше всего. Пожалуй, ни в одном случае это предупреждение не является столь необходимым, как в вопросах, связанных с идеей национальности. Это характерно для нынешней эпохи, но ни для какой другой не было характерно в такой же степени. Мы живем в атмосфере национальности; мы видели, как она создала Германскую империю, Итальянское королевство и Уэльский университет; мы видим, как она сейчас трудится над разрушением Австрийской империи и, возможно, изменяет неизменный Восток. Но вся история Европы показывает, что это идея медленного и сравнительно позднего развития. Первое появление национальности как осознанного принципа политического действия можно обнаружить в Англии и, возможно, во Франции - в начале XIII века, и в Уэльсе примерно в то же время; в других странах Европы - гораздо позже. И только в конце восемнадцатого века она стала доминирующим фактором в политике. Конечно, наши предки всегда ненавидели иностранцев - но они не любили своих соотечественников. Единственное, что человек ненавидел больше, чем быть изгнанным из дома иностранным захватчиком, - это быть изгнанным своим соседом; и поскольку сосед чаще всего делал это, а когда делал, то оставался, он ненавидел своего соседа больше всего. Для того чтобы

национальная идея стала действенной, необходима определенная степень порядка и устоявшегося управления.

В средневековом Уэльсе ему так и не удалось объединить народ; мелкий патриотизм семьи стоял на пути более масштабного патриотизма нации; местные раздоры и ревность всегда были сильнее чувства национального единства. Попытка Лливелина ап Айорверта создать Национальный совет, подобный Великому совету Англии, погибла вместе с ним. В финальной борьбе с Эдуардом I, когда на несколько месяцев идея валлийского единства стала ближайшим воплощением на деле, люди из Гламоргана сражались на стороне победителя. Прочитайте "Brut y Tywysogion" и подумайте, насколько действия, о которых там говорится, могли быть вдохновлены чувством национальности. Вот рассказ в "Бруте" о том, что происходило в Уэльсе в 1200 году и в последующие годы - период, представленный на нашей карте.

"1200. Тысяча двести лет было от Рождества Христова, когда Груффудд, сын Цинана, сына Овейна, умер, приняв религиозный обряд, в Аберконуэе, - человек, которого знали все на острове Британия за величину его даров, доброту и благодеяния; и неудивительно, ибо, пока живы те, кто живет сейчас, они будут помнить его славу, его похвалы и его деяния. В том же году Маэлгвн, сын Риса, продал Абертейви, ключ всего Уэльса, за ничтожную цену англичанам, страха и ненависти к своему брату Груффудду. В том же году Мадог, сын Груффудда Мэлора, основал монастырь Лланегвестл, недалеко от старого креста, в Йеле.

"1201. В следующем году Лливелин, сын Йорверта, покорила кантрев Ллейн, изгнав Маредудда, сына Цинана, за его вероломство. В тот год, в канун Витсундея, монахи Страта Флорида пришли в новую церковь, возведенную по великолепному проекту. Через некоторое время после этого, в праздник святых Петра и Павла, Маредудд, сын Риса, чрезвычайно учтивый юноша, ужас врагов, любовь друзей, как огненная молния между вооруженными отрядами, надежда людей Южного Уэльса, ужас Англии, честь городов и украшение мира, был убит в Карнвилоне; а Груффудд, его брат, завладел его замком в Лланымддиври. И кантрев, в котором он находился, перешел во владение Груффудда, его брата. И сразу после этого, в праздник святого апостола Иакова, Груффудд, сын Риса, умер в Страта Флориде, приняв религиозный обряд, и там же был похоронен. В том же году в Иерусалиме произошло землетрясение.

"1202. В следующем году Маредудд, сын Цинана, был изгнан из Мейрионидда Хауэлем, сыном Груффудда, своим племянником, сыном его брата, и лишился всего, кроме коня. В тот год на восьмой день после праздника святых Петра и Павла валлийцы сразились с замком Гвертринион, который был собственностью Роджера Мортимера, и заставили гарнизон сдать замок до истечения двух недель, после чего сожгли его дотла. В тот год осенью, около первого праздника святой Марии, Лливелин, сын Йорверта, собрал войско из Поуиса, чтобы подчинить себе Гвенвинвин и овладеть страной. Ибо хотя Гвенвинвин был близок ему по родству, он был врагом ему по делам. И, отправившись в поход, он призвал к себе всех других князей, которые были ему родственниками, чтобы вместе выступить против Гвенвинвина. И когда Элизе, сын Мадога, сына Маредудда, узнал об этом, он отказался объединиться в присутствии всех; и со всей своей энергией он старался заключить мир с Гвенвинвином. И вот, после того как духовенство и религиозные деятели заключили мир между Гвенвинвином и Лливелином, у него отобрали территорию Элизы, сына Мадога, его дяди. И в конце концов ему был передан на содержание, в качестве благотворительности, замок Кроген с семьей небольшими поселениями. И вот, покорила замок Бала, Лливелин счастливо вернулся обратно. В тот год, в праздник святого Михаила, семья юного Риса, сына Груффудда, сына владыки Риса, получила во владение замок Лланымддиври".

Можно сказать, что Уэльс сегодня - это Уэльс, несмотря на его политическую историю. Уэльс гораздо больше обязан своим поэтам и литераторам, чем своим князьям и их политике.

Гиральдус Камбренсис попал в точку, когда сказал: "Счастливым был бы Уэльс, если бы у него был один принц, да и тот хороший". Необходимым предварительным условием объединения валлийцев было уничтожение всех независимых валлийских князей, кроме одного. Пока этого не произойдет, местное чувство всегда будет сильнее национального; разрушительные силы семейной вражды, личных амбиций и клановой преданности всегда будут перевешивать чувство национального единства.

Лорды Марча медленно делали это для Уэльса; они уничтожили всех независимых валлийских князей, кроме одного. Мы можем увидеть этот процесс на прилагаемой карте, где указаны основные политические деления Уэльса в начале XIII века, и уделим несколько минут рассмотрению судьбы некоторых из этих мелких государств и манеры поведения людей, которые ими правили.

Великое палатинское графство Честер, королевство внутри королевства, до 1100 года находилось под властью Хью Волка из Авранша, который на время завоевал северное побережье Уэльса. В Англси он построил замок и загнал гонимых, которых так любил, в церковь, чтобы на следующее утро обнаружить, что все они сошли с ума. Истории о его жестоких расправах над валлийскими пленниками показывают, что он заслужил прозвище "Волк". Тем не менее он был другом святого Ансельма и умер монахом. Борьба между Честером и Гвинеддом за обладание Четырьмя Кантредами, землями между Конвеем и Ди, была почти вечной в течение двенадцатого и тринадцатого веков, и военная удача постоянно менялась. С угасанием старой линии графов Честерских (1237) и пожалованием графства принцу Эдуарду (1254) для Уэльса открылась новая эра.

На юге, в Среднем Марте, вдоль верхних долин рек Северн и Уай, росло могущество Мортимеров. Они уже протянули длинную руку, чтобы захватить Гвертринион. Но наибольший рост их могущества произошел позже, при Роджере Мортимере, внуке Лливелина ап Иорверта, друга Эдуарда I в дикие дни его юности, упорном враге Лливелина ап Груффидда; вскоре земли Мортимеров охватили весь Средний Уэльс и достигли моря, а Мортимер был достаточно силен, чтобы свергнуть и убить короля и править Англией в качестве любовника королевы. Какими бы дикими ни были Мортимеры, они были мягкими по сравнению с одним из их предшественников. Роберт граф Беллессме и Понтье, великий строитель замков своего времени, стал графом Шрусбери и Арундела в 1098 году. Люди слышали рассказы о его жестокости на континенте: как он морил пленников голодом до смерти, вместо того чтобы требовать за них выкуп; как при осаде замка он бросался на лошадей, чтобы засыпать ров, а когда этого было недостаточно, отдавал приказ схватить холопов и бросить их туда, чтобы его тараны могли идти вперед на корчащуюся массу живых человеческих тел. Эти истории казались невероятными в Англии, но люди Среднего марта верили им, когда их "заживо сжигали железные когти" дьявола из Беллессма. Во время его восстания против Генриха I принцы Гвинедда поддерживали его, пока их армия не была перекуплена лживыми обещаниями короля; но день, когда граф Шрусбери сдался королю Генриху со всеми силами Англии, стал днем избавления как для Англии, так и для Уэльса.

Далее мы переходим к группе лордств, которыми владел в это время Уильям де Браоз, лорд Брамбера в Сассексе. Они простирались от Раднора до Гоуэра, от Монноу до Ллвхвра и включали в себя замки Буилт, Брекон, Абергавенни. Но он владел этими землями под разными титулами, и они никогда не были соединены вместе. Уильям де Браоз начал свою государственную карьеру с того, что созвал князей Гвента на конференцию в Абергавенни и

расправился с ними. Он был в близких отношениях с королем Иоанном, который отдал ему принца Артура; но это было дело, от которого отшатнулся даже де Браоз, и он отказался отягощать свою душу убийством Артура. Через несколько лет Джон неожиданно выступил против него и потребовал его сыновей в качестве заложников. Его жена, Мод де Сен-Валери, надолго оставшаяся в народной памяти как ведьма, прислала ответ: она не доверит своих детей человеку, убившему своего племянника. Король прогнал Браозе с его земель, поймал его жену и старшего сына и уморил их голодом в Виндзорском замке. Семья Браозе продолжала владеть Гоуэром, но остальные их владения перешли к другим домам - Брекон к Бохунам из Херефорда, Элваэль к Мортимеру, Абергавенни к Гастингсу, Буилт сначала к Мортимеру, а затем к короне.

Гламорган в наш период был присоединен к графству Глостер. От Фицхеймона Завоевателя он перешел через его дочь к Роберту Глостерскому, а в начале XIII века - к великому дому Клэров, графов Глостера и Хартфорда, которые удерживали равновесие между партиями в войне баронов. Об организации Гламоргана и его великих правителях мы поговорим позже. В то время, когда представлена на нашей карте, он находился в руках короля Иоанна, который получил его в результате брака. Джон развелся с женой в 1200 году, но сумел сохранить ее наследство почти до конца своего правления; а Фоукс де Бро, самый печально известный из его капитанов-наемников, владел им в замке Кардифф.

Дальше к западу, между реками Ллвчвр и Тоуи, лежало владение Кидвели, принадлежавшее семье де Лондрес, которые сопровождали Фицхеймона в завоевании Гламоргана, были лордами Огмора и основателями Эвенни. В истории этого рода можно упомянуть один эпизод - битву в Долине Тоуи в 1136 году, когда Гвенллиан, героическая жена Риса ап Груффидда, возглавила войска своего мужа против Мориса и де Лондреса, была побеждена и убита лордом Кидвели. Ее смерть была вскоре отомщена резней норманнов в Кардигане. Нынешний замок Кидвели относится к концу XIII века, до войны 1277 года, после того как владения перешли к Чавортам.

На крайнем западе, в Дайфеде, стране фьордов, Арнульф Монтгомери рано основал норманнскую державу, но он был вовлечен в падение своего брата, Роберта Беллесма, и Генрих I попытался превратить эти земли в английское графство и посадил колонию фламандцев в "Маленькой Англии за Уэльсом". Но это было слишком далеко, чтобы королевская власть могла эффективно осуществляться там, и графство Пембрук было даровано ветви де Клэров, которые уже завоевали Середигион и построили замки в Кардигане и Аберистуите. Де Клэры также владели Чепстоу и землями в Нижнем Гвенте. Само графство было меньше нынешнего графства Пембрук, и Уильям Маршалл, ставший преемником де Клэров в результате брака с дочерью Ричарда Стронгбоу (1189), был обязан своим выдающимся положением в английской истории XIII века в гораздо большей степени своим личным качествам, мужеству, мудрости и патриотизму, чем своим территориальным владениям.

Именно изгнав де Клэров из Середигиона в правление Стефана, Рис ап Груффидд заложил основу своей власти и возвел Дехубарт в ранг передового из местных княжеств. Лорд Рис был достаточно умен и дальновиден, чтобы завоевать доверие Генриха II, и получил от него титул юстициара - заместителя короля в Южном Уэльсе. Пока был жив Овейн Гвинедд, можно было наблюдать необычное зрелище: принц Южного Уэльса и принц Северного Уэльса гармонично сотрудничали друг с другом. Но после смерти Овейна (1170 г.) Рис воевал с его преемниками за владение Мерионетом, а Овейн Сифейлиог, князь-поэт Поуиса, делал все возможное, чтобы помешать ему. В 1197 году смерть Риса, "главы и щита, и силы Юга и всего Уэльса", и гражданские войны между его сыновьями вновь открыли его княжество для

посягательств врагов со всех сторон и устранили одну опасность из Поуиса. Однако Поуис неуклонно сжимался под давлением Гвинедда с одной стороны и растущей власти Мортимера - с другой, и его князья прибегали к шаткой дипломатии и общей приверженности - открытой или тайной, в зависимости от обстоятельств - к английской короне, пока в конце концов не опустились до положения мелких феодалов английского короля.

Только принц Гвинедда поддерживал стандарт валлийской национальности, дракона валлийской независимости; только в Гвинедде и его зависимых территориях валлийское общественное право преобладало над феодальными обычаями. И каков же был результат? Именно то, что предвидел и о чем мечтал Гиральдус Камбрэнсис. Взоры валлийцев повсюду стали обращены к лорду Эрири, единственной надежде Уэльса. Перед князьями Гвинедда открылась заманчивая, вдохновляющая перспектива - возглавить национальное движение, изгнать чужеземцев и объединить весь Уэльс под своей властью. Лливелин ап Айорверт в конце своего долгого правления сознательно отказался от этой мечты. Именно в этом смысл его категорического заявления о верности и покорности Генриху III в 1237 году. "Лливелин, принц Уэльский, с помощью специальных гонцов послал королю весть о том, что, поскольку время его жизни требует, чтобы он впредь отказался от всех войн и беспорядков и в будущем наслаждался миром, он решил передать себя и свои владения под власть и защиту его, английского короля, и будет держать свои земли от него во всей верности и дружбе, и заключит с ним нерушимый договор; И если король отправится в какой-либо поход, он, в меру своих сил, как его сеньор подданный, будет способствовать этому, помогая ему войсками, оружием, лошадьми и деньгами." Лливелин Великий отказался оспаривать сюзеренитет Англии. Восторженному патриоту это может показаться пусилланимом, но последующие события доказали мудрость и прозорливость старого государственного деятеля. Его преемники были менее осторожны, их увлек патриотизм, окружавший их, и сирены бардов. А для Лливелина ап Груффидда перспектива была еще более заманчивой, чем для Лливелина ап Айорверта. Война баронов ослабила мощь Англии, и нужды Симона де Монфора заставили его заключить союз с Лливелином. Расширение Гвинедда было большим и быстрым. Власть Лливелина распространялась на юг до Мерттира и доходила до берегов Кармартенского залива. Граф Глостер счел необходимым построить замок Каэрфилли, чтобы поддержать свое влияние в Гламоргане. Но именно расширение власти Лливелина заставило Эдуарда I свергнуть его с престола. "Мы считаем, что лучше, - говорилось в прокламации Эдуарда в 1282 году, - чтобы ради общего блага мы и жители нашей земли были изнурены трудами и расходами в этот раз, хотя бремя кажется тяжелым, чтобы полностью уничтожить их нечестие, чем чтобы в будущие времена, как часто бывало в прошлом, нас мучили восстаниями такого рода по их благоволению".

Княжество" теперь стало землей широв - под английскими законами и английской администрацией. Остальная часть Уэльса еще двести пятьдесят лет оставалась разделенной на марчерские лордства по феодальным законам - постоянный источник волнений и беспорядков. Это были земли, на которые не распространялось королевское письмо, где (если кратко описать их в Статуте 1536 года) "безнаказанно совершались убийства и поджоги домов, грабежи и бунты, а преступники принимались и уходили от правосудия, переходя из одного лордства в другое".

И все же лорды-марчеры кое-что сделали для валлийской цивилизации в первые века своего существования. Руководствуясь просвещенными интересами, они часто основывали города, предоставляя им значительные привилегии, чтобы привлечь бюргеров - например, низкую арендную плату и свободу от произвольных штрафов. Ярмарки также учреждались и

защищались лордами-маркерами. Первые лорды Гламоргана, похоже, были особенно успешны в этом отношении; говорят, что в двенадцатом веке иммигранты из других частей Уэльса приезжали жить в Гламорган, благодаря привилегиям и сравнительной безопасности, которые можно было там найти. Также, возможно, недостаточно осознано, как скоро лорды Марчей начали обучать своих валлийских подданных англо-норманнским методам местного самоуправления. Большинство крупных лордов-марчеров владели поместьями в Англии; некоторые из них, например Уильям де Браоз, служили шерифами в английских графствах; некоторые, например Джон де Гастингс, были судьями в королевских судах. Они привнесли в Уэльс методы управления, усвоенные ими в Англии, и институты, имевшие большое будущее, такие как франко-римское "дознание с присяжными заседателями", на основе которого был создан суд присяжных, вскоре акклиматизировались в маршах Уэльса.

II

ДЖЕФФРИ МОНМУТСКИЙ

Когда Джеффри Монмутский писал свои произведения, влияние норманнов в Уэльсе достигло своего апогея. В прежние времена мы начинали английскую историю с Вильгельма Завоевателя; с тех пор как Фримен написал свои пять толстых томов и доказал - не то чтобы норманнское завоевание было неважным, а то, что оно не означало нарушения преемственности, нового начала в национальной жизни, - маятник слишком сильно качнулся в другую сторону, и в последние годы наблюдается тенденция недооценивать значение норманнского завоевания.

Норманн, куда бы он ни пришел, принес с собой мало нового; он был всего лишь норманном - викинг с французским лоском. У него не было своих законов, он забыл свой язык, у него не было литературы. Но у него была старая норвежская энергия; , которая не только побуждала его или его предков селиться и завоевывать такие далекие и разнообразные земли, как Россия и Сицилия, Сирия и Северная Америка, но и позволяла ему вдохнуть новую жизнь в завоеванные страны. Кроме того, он все еще сохранял ту приспособляемость и способность к ассимиляции, которая характерна для народов, находящихся на примитивной стадии цивилизации. С удивительным инстинктом он улавливал наиболее характерные и сильные черты различных народов, с которыми вступал в контакт, развивал их, придавал им постоянную форму, а зачастую и всемирное значение.

Нормандские завоеватели не всегда были удачливы в своем выборе. Ирландии не за что их благодарить. Самой яркой характеристикой, которую они нашли в Ирландии, была анархия, и они довели ее до высокого уровня совершенства. Цитируя сэра Дж. Дэвиса об Ирландии в 1612 году: "Находя ирландские поборы более выгодными, чем английские ренты и услуги, и любя ирландскую тиранию, которая не была связана никакими правилами закона и чести лучше, чем справедливая и законная сеньория, они отвергли английский закон и правительство, приняли ирландские законы и обычаи, взяли ирландские фамилии, как

Маквильям, Макферис, отказались приходить в парламенты и презирали повиноваться тем английским рыцарям, которые были посланы командовать и управлять этим королевством."

Особенно пострадал от них один вымогательский ирландский обычай, называемый "coigny", о котором говорили, что "хотя он был впервые изобретен в аду, но если бы он использовался и практиковался там так же, как в Ирландии, то давно бы разрушил само королевство Вельзевула".

Англии и Уэльсу повезло больше. В Англии, в то время как старая английская литература была раздавлена пятой угнетателя, норманнский инстинкт ухватился за скрытые возможности старых английских политических институтов, сварил их в великую систему, развил из них представительное правление и создал единую нацию.

В Уэльсе норманны практически не обращали внимания на валлийские законы и политические институты; законодательство маршей было феодальным законодательством Франции, хартии вольностей городов были импортированы из Нормандии; валлийские марши и пограничные графства были наиболее тщательно норманизированной частью всего королевства. Но, обладая прекрасным чутьем на действительно великие вещи, в Уэльсе норманны ухватились за литературную сторону - поэтические традиции народа, придав им постоянную форму, дополнив их, сделав их навсегда частью интеллектуального наследия всего мира.

То, что самые ранние валлийские рукописи датируются двенадцатым веком - норманнским временем, может быть простой случайностью; это также может означать рост литературной продуктивности. Возможно, по случайным причинам первые сохранившиеся рассказы об Eisteddfodau относятся к двенадцатому веку; возможно, под влиянием открытых и проникательных захватчиков это учреждение вызвало новый интерес, получило новое внимание и почет. Вот, например, рассказ о великом Эйстедфод в 1176 году из Brut y Tywysogion: "Владыка Рис устроил в замке Абертейви грандиозный праздник, на котором назначил два вида состязаний - одно между бардами и поэтами, а другое между арфистами, скрипачами, волынщиками и различными исполнителями инструментальной музыки; и он выделил два кресла для победителей в состязаниях; их он обогатил огромными подарками. Юноша из его двора, сын скрипача Кибона, получил победу в инструментальной музыке, а люди Гвинедда - в вокальной песне; и все остальные менестрели получили от владыки Риса столько, сколько просили, так что не было ни одного исключенного". Эйстедфод, где каждый получил приз и каждый остался доволен, говорит об энтузиазме, естественном для нового возрождения. Именно сейчас, когда Уэльс вступил в контакт с большим миром через норманнов, современная валлийская поэзия получила свое начало. Новый интеллектуальный импульс наглядно иллюстрируется изменениями, которые происходят в валлийских хрониках около 1100 года. До этого времени они были, как правило, тонкими и унылыми: внезапно они становятся полными, живыми и романтическими. Уэльс не был исключением в этом ренессансе; нечто подобное произошло в большинстве стран Европы; и ренессанс, несомненно, следует связывать с крестовым походом, реформой церкви, словом, с движением Хильдебрандина, а значит, в конечном счете, с бургундским монастырем Клуни. Но именно норманны принесли эту новую жизнь в Англию и Уэльс; норманны были руками и ногами великого гильдебрандинского движения, главой которого были клюнийские папы.

Среди нормандских магнатов, поощрявших интеллектуальное движение в Уэльсе, выделяется один - Роберт граф Глостер и лорд Гламоргана, великолепное сочетание государственного деятеля, воина, покровителя литературы. Роберт был естественным сыном

Генриха I. Он родился до 1100 года - нет никаких доказательств, что его матерью была прекрасная и знаменитая Нест, дочь Риса ап Тюдора. Он получил лордство Гламорган вместе с почетом Глостера и другими землями в Англии и Нормандии в результате брака с Мейбл, дочерью и наследницей Фицхеймона, завоевателя Гламоргана. Рассказ о сватовстве сохранился в старой рифмованной хронике : король ведет переговоры; дама замечает, что ему нужна не она сама, а ее владения, и она предпочла бы выйти замуж за человека, у которого есть фамилия. Рассказ не является историческим, поскольку фамилии еще не вошли в обиход: в начале двенадцатого века дама выразила бы свое мнение иначе. Однако есть свидетельства того, что она была хорошей женой: Уильям Мальмсберийский говорит: "Она была благородной и прекрасной женщиной, преданной своему мужу и благословленной многочисленной и красивой семьей". Роберт был великим строителем замков; его работами были замки Бристоль и Кардифф, а также многие другие в Гламоргане; он организовал Гламорган, придав ему конституцию английского шира, с замком Кардифф в качестве центра и места собраний. После смерти Генриха I он стал самым важным человеком в Англии и был единственным выдающимся человеком, сыгравшим почетную роль в гражданских войнах, известных как правление Стефана; он умер в 1147 году. Его отношения с валлийцами, судя по всему, были хорошими; большие отряды валлийцев сражались под его началом в битве при Линкольне 1141 - вероятно, он был первым нормандским лордом Гламоргана, который мог рассчитывать на их лояльность. И очень важно, что в самых ранних инквизициях, сохранившихся для Гламоргана, или в расследованиях, проводимых присяжными поверенными, валлийцы свободно использовались в работе местных органов власти.

Роберт Глостерский был великолепным покровителем литературы; его ровесник Гиральдус Камбрэнсис с тоской вспоминал старые добрые времена, когда ученость была признана и получала должное вознаграждение. Роберту Глостерскому Уильям Мальмсберийский, величайший историк того времени, посвятил свою историю, приписав ему великодушие деда Завоевателя, щедрость дяди и мудрость отца, Генриха I. Он был основателем аббатства Маргама, чья хроника является одним из авторитетов для валлийской истории; Тьюксбери, другое аббатство, чья хроника сохранилась, причисляло его к своим главным благодетелям; Робер де Монт, аббат Мон-Сен-Мишель, бретонец и любитель бретонских легенд, был уроженцем его нормандских владений в Торињи и написал ценную историю своего времени. Среди блестящих литераторов, посещавших его двор в Глостере, Бристоле и Кардиффе, были Карадок из Лланкарвена, чья хроника (если он вообще ее писал) была утеряна, и величайший из всех Джеффри Монмутский.

Джеффри посвятил свою "Историю королей Британии" Роберту: "Итак, тебе, Роберт, граф Глостер, эта работа смиренно просит оказать ей благосклонность и внести в нее такие исправления по твоему совету, чтобы она могла считаться не бедным отпрыском Джеффри Монмутского, а, будучи отшлифованной твоим утонченным умом и суждением, творением того, кто имел Генриха, славного короля Англии, в качестве своего отца, и кого мы видим искусным ученым и философом, а также храбрым воином и опытным командиром".

О Джеффри известно не так уж много. Так называемый "Гвентиан Брут", приписываемый Карадоку из Лланкарвена, на который опирались его биографы в некоторых деталях его жизни, очень ненадежен, и, по словам покойного мистера Томаса Стивенса, был написан примерно в середине 1600 года шестнадцатого века, хотя и содержит более ранние сведения. Шестнадцатый век был великим веком для исторических подделок. Мы видим францисканца, интерполирующего отрывки в греческой рукописи Нового Завета, чтобы опровергнуть Эразма; ученого оксонианца, подделывающего отрывок в рукописи "Жизни

Альфреда" Ассера, чтобы доказать, что Альфред основал Оксфордский университет; валлийские генеалогии, придуманные дюжиной и ярдом, восходящие к "сыну Адама, сыну Бога". "Гвентиан Брут" или "Книга Аберпергвма" находится в сомнительной компании. О Джеффри известны следующие факты. В 1129 году он находился в Оксфорде в компании с Уолтером, архидиаконом Оксфорда (не Уолтером Мейпсом). Его отца звали Артур, и он был связан с валлийскими лордами Каэрлеона. Он называет себя "из Монмута", либо как родившийся там, либо как имеющий отношение к бенедиктинскому монастырю в Монмуте, который был основан бретонцем и поддерживал связи с Бретанью и Анжу. Он мог быть архидьяконом, но не Монмута. Первая версия его истории была закончена в апреле 1139 года или ранее, а окончательное издание истории было завершено к 1147 году. В последние годы жизни он жил в Лландаффе. В феврале 1152 года он был рукоположен в священники и в том же месяце посвящен в епископы Сент-Асафа. В 1153 году он был одним из свидетелей договора между королем Стефаном и Генрихом Анжуйским, который положил конец гражданским войнам. Он умер в Лландаффе в 1153 году.

Теперь мы рассмотрим источники его "Истории королей Британии". Джеффри рассказывает: "В ходе многочисленных и разнообразных исследований я случайно наткнулся на историю королей Британии и удивился, что в изложении, которое Гильдас и Беда в своих изящных трактатах привели о них, я не нашел ничего, что говорило бы о тех королях, которые жили здесь до Христа, ни об Артуре и многих других; хотя их деяния многие люди отмечали в приятной манере и наизусть, как будто они были написаны. Пока я размышлял об этих вещах, Уолтер, архидиакон Оксфорда, человек, сведущий в иностранных историях, предложил мне очень древнюю книгу на бриттском языке, в которой, в непрерывном регулярном рассказе и изящном стиле, рассказывалось о деяниях всех, начиная с Брута и заканчивая Кадваладером. Поэтому по его просьбе я взялся за перевод этой книги на латынь". В конце своей истории он добавляет: "Историю последующих королей Уэльса я оставляю Карадоку из Лланкарвена, моему современнику, как и саксонских королей - Вильгельму Мальмсберийскому и Генриху Хантингдонскому. Но я советую им молчать о королях бриттов, поскольку у них нет той книги, написанной на бриттском языке, которую Уолтер, архидиакон Оксфорда, привез из Британии".

Было много споров о том, была ли эта очень древняя книга на валлийском или бретонском языке, но первый вопрос заключается в том, существовала ли она вообще? Был ли Джеффри переводчиком, или изобретателем, или собирателем устных преданий, бытовавших в Уэльсе или Бретани в его время?

Можно не сомневаться, что вывод Томаса Стивенса в "Литература кимров" верен - "Джеффри был не столько переводчиком, сколько оригинальным автором". Очень сомнительно, что бриттская книга когда-либо существовала, не была ли она простой уловкой, к которой часто прибегали средневековые романтики, и которая до сих пор является излюбленным приемом современных исторических романистов, чтобы придать своим произведениям видимость подлинности. На это возражают, что в таком случае архидиакон Уолтер должен был быть участником обмана, что невероятно. Такой аргумент подразумевает большое невежество в отношении архидиаконов двенадцатого века, когда среди ученых людей торжественно обсуждался вопрос о том, может ли архидиакон спастись. Было бы хорошо, если бы против них нельзя было выдвинуть ничего хуже, чем такой невинный обман общества, как этот. Но самым сильным аргументом против существования Британской книги является то (не то чтобы она не сохранилась сейчас, но), что историки следующего поколения никогда ее не видели. История Джеффри сразу же вызвала огромный переполох в литературном мире - ее не приняли на веру, а восприняли с подозрением и недоверием. Так, Уильям Ньюбургский во

второй половине двенадцатого века прямо называет Джеффри "наглым и бесстыдным лжецом". Уильям, конечно, не знал валлийского языка и не смог бы ничего понять из бриттской книги, даже если бы видел ее. Это возражение не относится к Гиральду Камбрэнсису; его знание валлийского языка действительно было незначительным, но у него было много валлийскоговорящих родственников и друзей, и он сам был коллекционером рукописей. Джеральд ссылается на "лживые утверждения баснословной истории Джеффри" и в часто цитируемом отрывке намекает, что считает историю Джеффри сплошной ложью. Рассказывая о валлийце из Керлеона, который общался со злыми духами и с их помощью мог предсказывать будущие события, он продолжает: "Он знал, когда кто-либо говорил ложь в его присутствии, потому что видел дьявола, танцующего на языке лжеца. Если злые духи слишком сильно угнетали его, ему на грудь клали Евангелие от Иоанна, и тогда они, как птицы, тут же исчезали; но когда Евангелие убирали, а вместо него клали "Историю бриттов" Джеффри Артура, дьяволы тут же возвращались в большем количестве и дольше обычного оставались на его теле и на книге". Очень вероятно, что Джеффри использовал какую-то бриттскую рукопись, но она не могла быть очень древней; и он, конечно, не переводил ее, а использовал так же, как использовал Гильдаса, Беду и Ненния - иногда цитируя их высказывания, а чаще усиливая их почти до неузнаваемости.

Был ли Джеффри просто изобретателем? Иногда - несомненно. Длинные ряды имен чисто вымышленных принцев, которых римский консул вызвал на бой против короля Артура в то время, когда в трезвой истории Юстиниан был римским императором, придуманы Джеффри. Не стоит забывать и о его пародиях на практику историков ссылаться на современные события: пример подлинной статьи приводится в "Итинерарии" Джеральда. "В 1188 году Урбан III был папой, Фридрих, император римлян, Исаак, император Константинополя, Филипп, король Франции" и т. д., и т. п. Теперь возьмем пародии Джеффри: "В это время в Иудее правил пророк Самуил, жил Инеас, а Гомер считался знаменитым оратором и поэтом". Или еще: "При строительстве Шафтсбери орел говорил, пока возводилась стена города; и действительно, я должен был бы передать эту речь потомкам, если бы считал ее правдивой, как и всю остальную историю. В это время Хаггай, Амос, Иоиль и Азария были пророками Израиля". Можно быть совершенно уверенным, что подобные отрывки взяты не из писаний древних и не из устных преданий. В некоторых случаях можно проследить его высказывания и увидеть, как много он добавил к своим предшественникам. Хорошим примером может служить его рассказ об обращении бриттов при короле Луции в кн. IV, сар. 19 и 20, и V., сар. 1 (161 Г. Н. Э.). Рассказ Джеффри носит косвенный характер: Король Луций послал к папе римскому с просьбой о наставлении в христианской религии. Папа прислал двух учителей (имена которых приводятся), которые почти уничтожили язычество на всем острове, посвятили языческие храмы истинному Богу и заменили трех архиепископов на трех языческих архиереев в Лондоне, Йорке и Керлеоне-на-Уске, а двадцать восемь епископов - на двадцать восемь языческих епископов. Все это основано на коротком отрывке из Беды: "Луций, король бриттов, послал к Папе с просьбой сделать его христианином; вскоре он получил свое желание, и бритты сохранили веру в чистоте до гонений Диоклетиана", который сам по себе усиливается записью в *Liber Pontificalis*: "Луций, король бриттов, послал к Папе с просьбой сделать его христианином". Последняя запись не встречается в ранней версии *Liber Pontificalis* и не согласуется с историей и положением папства во втором веке; это подделка, вставленная в конце седьмого века романизирующей партией в валлийской церкви - партией, желающей привести валлийскую церковь в общение с римской и заинтересованной в доказательстве того, что британское христианство пришло непосредственно от папы; а все разговоры об архиереях, архиепископах и т. д. - чистая выдумка. Обратите внимание и на то, какую важную роль в его истории играют места, с которыми Джеффри особенно связан: Керлеон - резиденция архиепископства и любимая

резиденция Артура; часто упоминается Оксфорд, хотя он не существовал до конца IX века; консул Глостера (предшественник покровителя Джеффри, Роберта, консула Глостера) делает решающий ход в битве Артура с римлянами.

Параллельным случаем является рассказ Джеффри о Бруте и происхождении бриттов от троянцев. Эта традиция встречается у Ненния и, возможно, восходит к классическому возрождению при дворе Карла Великого. Это явно не народная, а искусственная традиция ученых; но если Джеффри не придумал легенду, то он придумал все детали - письма и речи, побеги на волосок от гибели, рассказы о любви и войне.

Вероятно, его подробные рассказы о европейских завоеваниях короля Артура, охватывающие почти всю Западную Европу, от Исландии и Норвегии до Галлии и Италии, в большей степени являются работой изобретательского гения Джеффри, хотя не исключено, что они могут опираться на ранние кельтские мифы о путешествии Артура в Аид, как предполагает профессор Рис, или на поздние бретонские традиции, которые смешивают Артура с Карлом Великим.

Теперь давайте рассмотрим Джеффри как собирателя и передатчика подлинных устных традиций валлийцев и бретонцев. Подлинные традиции - это настоящая история в том смысле, что они сохраняют нравы, обычаи и образ мыслей, распространенные в то время, когда они стали актуальными. Таким образом, они находятся на совершенно ином уровне, нежели выдумки Джеффри, хотя их нельзя воспринимать как историю кого-либо из тех, к кому они относятся. В своем предисловии он говорит нам, что деяния Артура и многих других, хотя и не упоминаются историками, "отмечались многими людьми в приятной манере и наизусть", воспевались поэтами и передавались из поколения в поколение, подобно поэтическим традициям каждого народа в первобытные времена. Нет сомнений, что Джеффри собрал несколько старых историй и вплел их в свое повествование. Так, история короля Лира и его дочерей имеет отпечаток подлинной народной традиции, хотя даты и псевдоисторические события, вероятно, были добавлены Джеффри. Опять же, во времена Джеффри, несомненно, существовали пророчества, приписываемые Мерлину. Но можно заподозрить Джеффри в том, что он не просто перевел пророчества Мерлина, а адаптировал их; можно даже заподозрить его в пародии на них. "После него придет на смену Тотнесский вепрь и будет угнетать народ тяжелой тиранией. Глостер пошлет льва и потревожит его в жестокости в нескольких сражениях. Лев растопчет его ногами... и, наконец, заберется на спины знати. В ссору вступает бык и поражает льва... но разбивает его рога о стены Оксфорда". "Затем скипетром будут последовательно управлять двое, которым будет служить рогатый дракон. Один придет в доспехах и поедет на летающем змее. Он сядет на его спину своим обнаженным телом и положит свою правую руку на его хвост..... Второй вступит в союз со львом; но произойдет ссора, и они столкнутся один другим... но мужество зверя одержит верх. Тогда придет один с барабаном и утишит ярость льва. Поэтому люди королевства должны быть спокойны и провоцировать льва на дозу лекарства!"

Затем об Артуре. В истории Джеффри он предстает в основном как великий континентальный завоеватель - своего рода валлийский Карл Великий. "Многие из самых живописных и значительных черт полноценной легенды (как отмечает профессор Льюис Джонс)^[1] даже вскользь не упоминаются Джеффри. Круглый стол, Ланселот, Грааль были ему неизвестны и были привнесены в легенду из других источников". Но он сделал артурианские легенды модными; он открыл для всей Европы доселе неизвестный и неисчерпаемый колодец кельтской романтики; и можно без преувеличения сказать, что "ни одно произведение Средневековья не оставило после себя столь плодотворного литературного потомства, как "История королей Британии".

Ценность Джеффри заключается не в его вымыслах о прошлой истории, а в его влиянии на литературу и идеи будущего. Он стоит у истоков новой эпохи: он - первый представитель века нового рыцарства. Прочтите его восторженный рассказ о дворе Артура, где "рыцари славились рыцарскими подвигами, а женщины не считали достойными своей любви никого, кроме тех, кто доказал свою доблесть в трех сражениях. Таким образом, доблесть мужчин поощряла целомудрие женщин, а любовь женщин подстегивала храбрость рыцарей". Или, как гласит старая французская версия, "Любовь, которая сделала женщин более целомудренными, сделала рыцарей более доблестными и знаменитыми". Перед нами новая концепция любви, которая с тех пор оказывает глубокое влияние на жизнь и мышление: любовь больше не слабость, как в древнем мире, и не грех, как казалось аскетичному духу церкви, а сознательный источник силы, побуждающий к героизму. И именно вокруг Артура и его двора французские поэты следующего поколения создавали свои романы, вдохновленные этой концепцией - плодом союза норманнской силы и кельтской мягкости.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1] См. его статью о Джеффри Монмутском (Transactions of the Cymmrodorion Society, 1899), которой я очень обязан.

III

ГИРАЛЬД КАМБРЕНСКИЙ

Геральд Уэльский был, безусловно, одним из самых выдающихся литераторов, которых породило Средневековье, - выдающимся не только благодаря широте его знаний или объему его трудов, но и благодаря оригинальности его взглядов и разнообразию его интересов.

В этой лекции я намерен сначала дать общий отчет о его жизни, а затем более подробно остановиться на его "Маршруте по Уэльсу".

Мы многое знаем о Джеральде; его интересовало многое, и не в последнюю очередь - он сам; его не мучило то стесняющее чувство собственной никчемности, ощущение себя не личностью, а частью сообщества, которое так характерно для средневековых писателей и заставляет их часто не упоминать собственные имена.

Джеральд родился около 1146 года в Манорбуре, в Пембруке - "самом восхитительном месте Уэльса". Его родословная интересна. Его отцом был норманнский дворянин, владетель Гламоргана, Уильям де Барри по имени; его мать была дочерью другого норманнского дворянина, Джеральда де Виндзора из Пемброка, и знаменитой Нест, дочери Риса ап Тюдора, Елены Уэльской. Он был двоюродным братом Фицджеральдов, сыгравших столь важную роль в завоевании Ирландии, и был связан с Ричардом Стронгбоу и великим домом Клэр. Таким образом, он "вращался в самых высоких кругах" и жил в атмосфере великих деяний и великих традиций.

С самого начала его склонности были направлены на церковную карьеру. Он рассказывает, что когда он и его старшие братья играли в детстве на песках Манорбье, его братья строили замки, а он всегда строил церкви. Начальное образование он получил у капелланов своего дяди, епископа Сент-Дэвида; похоже, в детстве он медленно учился, и наставники подбадривали его не розгами, а сарказмом: "*Stultus, stultior, stultissimus*". Высшее образование он получил не в Уэльсе, и необычно, что во всех своих трудах он не упоминает ни одного учебного заведения в Уэльсе. Он учился в Глостере, а затем в Париже, величайшем университете Средневековья. По его собственным словам, он был образцовым студентом. "Он был настолько предан учебе, в его поступках и мыслях не было ни капли легкомыслия или грубости, что когда мастера искусств хотели выбрать образец для подражания среди хороших ученых, они называли Джеральда раньше всех остальных". Позже он читал в Париже лекции по каноническому праву и теологии; его лекции, по его словам, были очень популярны. Он вернулся туда в 1172 году, через два года после мученической смерти Томаса Бекета, чей пример и борьба за права Церкви произвели на него глубокое и неизгладимое впечатление. Джеральд вскоре получил преференции: он владел тремя поместьями в Пемброке, одним в Оксфордшире, а также каноническими кафедрами в Херефорде и Сент-Дэвидсе. Его энергия вскоре дала о себе знать. Он отлучил от церкви валлийцев и фламандцев, которые не платили десятину, а затем обрушился на грехи духовенства. Большинство валлийских священников были женаты, что противоречило законам церкви. Джеральд ненавидел женатого священника даже больше, чем монаха. По его словам, валлийский священник держал в своем доме женщину (*focaria*), "чтобы она зажигала его огонь, но гасила его добродетель". "Как может такой человек практиковать бережливость и самоотречение, когда дом полон драчунов, а женщина вечно добывает деньги на покупку дорогих одеяний с длинными юбками, волочащимися по пыли?" Джеральд ненавидел женщин - порождение всех зол с самого начала мира: заметив, что у хищных птиц самки сильнее самцов, он заметил, что это означает, что "женский пол более решителен во всех злодеяниях, чем мужской". Среди женатых священнослужителей, на которых он нападал, был архидиакон Брекона; и старик, будучи вынужден выбирать между женой и архидиаконством, предпочел жену. Джеральд стал архидиаконом Брекона. В более поздние годы его мучили угрызения совести по поводу того, какое участие он принимал в этом деле.

С 1180 по 1194 год он часто бывал при дворе и занимался делами короля. Генрих II выбрал его как подходящего человека для сопровождения молодого принца Джона в Ирландию в 1185 году, и результатом стали две его великие работы - "Топография" и "Завоевание Ирландии", которые являются главными и почти единственными авторитетами для истории Ирландии в Средние века. Первый труд он публично прочитал в Оксфорде по возвращении; это было великое событие: мы должны рассказать о нем его собственными словами. "Когда работа была закончена, он, не желая прятать свою свечу под бушлатом, но желая поместить ее в подсвечник, чтобы она давала свет, решил прочитать ее перед обширной аудиторией в Оксфорде, где ученые Англии в основном процветали и преуспевали в учености. А так как в труде было три части, и каждая часть занимала один день, то чтения продолжались три дня подряд. В первый день он принимал и развлекал в своем доме всех бедняков города; во второй - всех докторов различных факультетов и их лучших учеников; в третий - остальных студентов и главных людей города. Это было дорогостоящее и благородное действие; ни настоящее, ни прошлое время не может предоставить никаких сведений о том, что такая торжественная церемония когда-либо происходила в Англии".

В 1188 году он сопровождал архиепископа Кентерберийского в его поездке по Уэльсу с проповедью Третьего крестового похода. Об этом мы расскажем позже.

Он находился за границей вместе с Генрихом II во время смерти старого короля и оставил ценный отчет о своих последующих годах в книге "О наставлении принцев". Его связь с двором давала ему возможность изучать великих персонажей того времени вблизи, и мы имеем из-под его пера графические зарисовки многих из них. Вот описание Генриха II: "У него был красноватый цвет лица, довольно темный, и большая круглая голова. Его глаза были серыми, налитыми кровью и вспыхивали в гневе. У него было огненное лицо, голос дрожал; у него была глубокая грудь и длинные мускулистые руки, а его большая круглая голова немного свисала вперед. У него был огромный живот - правда, не от грубого питания. Он был умерен во всем, как и подобает принцу. Чтобы сдерживать свою тучность, он неумеренно занимался спортом. Даже в мирное время он не отдыхал - весь день яростно охотился, а возвращаясь вечером домой, редко садился за стол до или после ужина, ибо, несмотря на собственную усталость, он изнурял двор, постоянно находясь на ногах".

Вся эта история очень интересна и полна жизни. Она встречается в "Завоевании Ирландии" и цитируется в нескольких других его работах. Любимым автором Джеральда был Джеральд из Барри, архидиакон Брекона.

Следующим важным эпизодом в его жизни стала борьба за Сент-Дэвидс (1198-1203). На самом деле это была борьба за независимость валлийской церкви от Англии и ее прямую зависимость от Папы Римского. Джеральд был избран епископом канониками Сент-Дэвида вопреки воле короля Иоанна (чье согласие было необходимо) и Хуберта Уолтера, архиепископа Кентерберийского (чьи права митрополита подвергались нападкам). Джеральд поспешил в Рим, чтобы заручиться поддержкой Папы, взяв с собой самое ценное, что он мог придумать, - шесть своих собственных книг; ведь Рим пользовался дурной славой за взятки, а кто мог устоять перед такой взяткой? Но он считал целесообразным дополнить свои книги другими обещаниями, особенно предложением Папе десятины из Уэльса.

Папой в это время был Иннокентий III - величайший из всех пап, который подчинил себе королей и народы, деспотично властвовал над Вселенской церковью и кровью искоренял ересь. В упоминаниях о нем в произведениях Джеральда он предстает в гораздо более человеческом облике. Мы видим, как после ужина он, не сдерживаясь, смеется над анекдотами Джеральда и отпускает шутки несколько рискованного характера в адрес архидиакона. Очевидно, что Папе очень нравилась компания валлийца, но при этом он не воспринимал его всерьез как церковного государственного деятеля. "Давайте еще послушаем истории о плохой латыни вашего архиепископа", - говорил он, когда Джеральд заводил разговор о независимости валлийской церкви или о своем праве на кафедру Святого Давида.

Этим архиепископом был Хьюберт Уолтер, который был скорее светским администратором, чем церковным деятелем, и чья латынь, хотя и четкая и готовая, могла демонстрировать прекрасное презрение ко всем правилам грамматики. Джеральд был приверженцем правильной латинской грамматики; он прекрасно разбирается в "ревунах". Есть одна из его историй, иллюстрирующая как скупость нормандских прелатов, так и невежество валлийского духовенства: Один валлийский священник пришел к своему епископу и сказал: "Я принес вашей светлости в подарок двести овов". Он имел в виду "ова", но епископ настоял на овце, а священник, вероятно, подтянул латинскую грамматику. У Джеральда были и другие патриотические причины для враждебности к архиепископу, который в качестве главного юстициария, то есть главного министра короля, недавно напал на валлийцев между реками Уай и Северн и разбил их. "Да будет благословен Бог, - саркастически пишет ему Джеральд, - который научил твои руки воевать, а пальцы - сражаться, ибо со времен, когда Гарольд почти

истребил нацию, ни один принц не уничтожил столько валлийцев в одном сражении, как ваша милость".

Джеральд продолжал борьбу до 1203 года, хотя и был покинут валлийским духовенством. "Миряне Уэльса, - говорил он, - поддерживали меня, но из духовенства, на чьей стороне я сражался, не было почти никого". Его провозгласили мятежником, и ему удалось избежать тюремного заключения или еще худшего - спасения, которым он был обязан своей смекалке и о которых он с удовольствием рассказывал. В конце концов он сдался, и в течение оставшейся жизни мы видим его в Риме, Линкольне, Сент-Дэвиде, пересматривающим свои работы и пишущим новые, изменяющим некоторые из своих суждений (особенно то, что касается Губерта Уолтера) и поддерживающим Стивена Лэнгтона в великой борьбе против Иоанна. Он был похоронен в Сент-Дэвидсе, вероятно, в 1223 году.

Теперь мы вернемся к "Маршруту по Уэльсу" и "Описанию Уэльса". Иерусалим был взят Саладином в 1187 году, и Третий крестовый поход - крестовый поход Ричарда Кёр де Льва - был проповедан по всей Европе. В 1188 году архиепископ Болдуин совершил проповеднический тур по Уэльсу в сопровождении Гланвилла, великого юстициария Генриха II, и Джеральда из Барри. Хотя главной целью была проповедь крестового похода, король следил за делами и видел, что святое дело можно использовать и для других целей; оно давало возможность утвердить права Кентерберийской митрополии над валлийской церковью и провести обследование страны королевскими чиновниками, что было невозможно при других обстоятельствах. Именно поэтому архиепископ и юстициарий сопровождали экспедицию. Примечательно, что Джеральд, защитник валлийской церкви, должен был оказать ей поддержку; но он еще не полностью принял патриотическую позицию своих поздних лет, и для него, как и для большинства людей того времени, спасение Гроба Господня было, во всяком случае, теоретически, величайшей целью в мире; кроме того, мы не должны забывать, что путешествие имело много привлекательного для него как для автора; оно дало ему "копию" для новой книги и возможность прочитать архиепископу свою "Ирландскую топографию". Каждый день во время путешествия архиепископ слушал часть этой книги, а в конце забрал ее домой, чтобы закончить. Поскольку путешествие длилось не менее пятидесяти дней, можно подсчитать, что архиепископу требовалось в среднем три страницы в день, чтобы уснуть.

В "Маршруте" (который впоследствии был посвящен Стивену Лангтону), по словам автора, содержится рассказ о "трудных местах, через которые мы проходили, названиях источников и потоков, остроумных изречениях, трудностях и происшествиях путешествия, памятных событиях древних и современных времен, а также естественной истории и описании страны".

Маршрут был проложен следующим образом: Из Херефорда в Раднор, Брекон, Абергавенни, Керлеон, Ньюпорт, Кардифф, Лландафф, Юэнни, Маргам, Суонси, Кидвели, Кармартен, Хаверфорд, Сент-Дэвидс, Кардиган, Страта Флорида, далее, держась ближе к побережью, через Бангор и Честер; затем на юг через Освестри, Шрусбери, Ладлоу, в Херефорд.

Путешественников хорошо принимали и развлекали как лорды-марчеры, так и валлийские принцы. Особое внимание было обращено на валлийцев, и валлийские князья сопровождали их по своим территориям. Главным из них был Рис ап Груффидд (дядя Джеральда), принц Южного Уэльса, находившийся тогда в зените своего могущества и назначенный главным судьей Южного Уэльса Генрихом II, которому он преданно подчинялся. Гвинедд и Поуис были разделены между несколькими наследниками. Один из князей Поуиса, Овейн Сифейлиог, поэт, отличился тем, что был единственным князем,

который не пришел на встречу с архиепископом вместе со своими людьми; за это он был отлучен от церкви. Джеральд отмечает, что он был приверженцем Генриха II и "отличался хорошим управлением своей территорией". Возможно, именно поэтому он не хотел иметь ничего общего с крестовым походом.

Насколько успешно экспедиция выполнила свою главную задачу - набрала крестоносцев? Архиепископ и юстициарий уже приняли крест; они остались верны своим обетам и отправились в Святую землю; архиепископ умер при осаде Акры, потрясенный нечестием армии. Сам Джеральд первым принял крест в Уэльсе, действуя не под влиянием религиозного энтузиазма, а (как он сам говорит) "побуждаемый настоятельными просьбами и обещаниями короля и уговорами архиепископа", который хотел, чтобы он выступил в качестве историка; но Джеральд, подав пример, купил диспенсацию и не поехал. Вскоре крест приняли и несколько младших валлийских принцев. Сам лорд Рис очень хотел это сделать, но "его жена женскими ухищрениями полностью отвлекла его от благородной цели". Жены были категорически против всего этого дела. В Хэй жены схватили своих мужей, и будущим крестоносцам пришлось буквально убегать от них в замок, оставляя за собой плащи. Более благородный дух самопожертвования проявила старушка из Кардигана, которая, когда ее единственный сын принял крест, сказала: "О возлюбленный Господь Иисус Христос, я сердечно благодарю Тебя за то, что Ты даровал мне благословение родить сына, достойного служения Тебе". Этот сын, вероятно, стоил больше, чем двенадцать лучников замка Сент-Клирс, которых насильно осенили крестом за совершение убийства; и можно с подозрением отнестись к внезапному обращению "многих самых известных убийц и разбойников из окрестностей " в Уске. Именно такие вещи превратили Святую землю в подобие поселения каторжников.

Проповедники явно много работали, пережили немало испытаний и поддерживали свой дух маленькими шутками, которые пересказывает Джеральд. Они едва не угодили в зыбучие пески в устье реки Нит. "Ужасно тяжелая страна", - сказал один из монахов на следующий день в замке в Суонси. "Некоторые люди никогда не бывают довольны, - ответил его спутник, - вы вчера жаловались, что зыбучие пески слишком мягкие". Горы уже не казались людям молодыми, и, поднявшись на одну из них, архиепископ в изнеможении опустил на поваленное дерево и обратился к своим запыхавшимся спутникам: "Кто-нибудь может оживить компанию, насвистывая какую-нибудь мелодию?" "Что, - добавляет Джеральд, - не очень-то легко сделать людям, запыхавшимся". От свиста разговор перешел к соловьям, которых, по словам одного из них, в Уэльсе не водится. "Мудрая птица - соловей", - заметил архиепископ.

Одна из серьезных трудностей, с которой они столкнулись, заключалась в том, что никто из них, даже Джеральд, не знал валлийский язык достаточно хорошо, чтобы проповедовать на нем, хотя у них обычно были переводчики. Архиепископ, который иногда часами безрезультатно читал проповеди, чувствовал это гораздо больше, чем Джеральд. Он утверждает, что доводил толпы людей до слез, хотя они не понимали ни слова из того, что он говорил. Но в доказательство того, что незнание валлийского ослабляет эффект, можно привести слова дурака принца Риса (если таковые вообще нужны). "Ты в большом долгу, Рис, перед своим родственником архидьяконом, который взял сотню или около того твоих людей на службу Господу; если бы он говорил только на валлийском, у тебя не осталось бы ни души".

В общей сложности крест приняли около трех тысяч человек; но крестовый поход затянулся, пыл охладел, и, вероятно, в поход отправилось сравнительно немного людей. В *"Itinerarium*

Regis Ricardi" упоминается, кажется, только один подвиг валлийца в Третьем крестовом походе; он был лучником, а значит, южноваллийцем.

Это подводит меня к одной из случайных заметок большой ценности, разбросанных по "Итинерарию". Рассказывая об осаде Абергавенни (1182 г.), Джеральд сообщает нам, что мужчины Гвента и Гламоргана превосходили всех остальных в использовании лука, и приводит любопытные свидетельства силы их стрельбы. Так, стрелы пробили дубовую дверь толщиной в четыре дюйма; они были оставлены там в качестве диковинки, и Джеральд видел, как они с железными остриями прошли насквозь с внутренней стороны. Он описывает эти луки как "сделанные из вяза - уродливое, неотделанное оружие, но поразительно жесткое, большое и прочное, одинаково полезное для длинной и короткой стрельбы". Добавьте к этому, что длиннолук не был характерным английским оружием до второй половины XIII века, что в первом сражении, в котором английский король эффективно использовал стрельбу из лука (при Фалкирке, 1298 год), его пехота состояла в основном из валлийцев; и можно не сомневаться, что знаменитый длиннолук Англии, который одержал победы при Креси, Пуатье и Азенкуре и косвенно сделал многое для уничтожения феодализма и деревни, имел родину в Южном Уэльсе.

Джеральд также был внимательным наблюдателем природы, и его знания о повадках животных обширны и своеобразны. Возможно, еще более заметна его любовь к сверхъестественному; он мог поверить во что угодно, лишь бы это было достаточно чудесно - за исключением "Истории Джеффри Монмутского". Но я должен ограничиться одной историей - историей о мальчике из Гауэра, который (поскольку корень обучения горький) прогуливал и нашел двух маленьких человечков ростом с поросенка, и отправился с ними в их страну под землей, и играл в игры с золотыми шарами с принцем-феей. Эти маленькие человечки были очень маленькими, со светлым цветом лица и длинными пышными волосами; у них были лошади и собаки, соответствующие их размеру. Они ничего так не ненавидели, как ложь; "у них не было никакой формы общественного поклонения, они были любителями и почитателями, казалось, правды". Мальчик часто ходил туда, пока не попытался украсть золотой шар, и тогда он уже никогда не смог найти сказочную страну. Зато он выучил язык фей, который был похож на греческий. Джеральд сравнивает слова в разных языках и отмечает, что, например, одно и то же слово "соль" встречается в греческом, британском, ирландском, латинском, французском, английском, немецком и языке фей, что говорит о тесной связи между всеми этими народами в прошлые века. Это очень современно; и не без оснований Джеральда называют "отцом сравнительной филологии".

В своем "Описании Уэльса" Джеральд описывает образ жизни и особенности народа. Все приучены к оружию, и когда труба подает сигнал тревоги, земледelec с такой же готовностью бросается от плуга, как и придворный от своего двора. Сельскохозяйственные работы занимают мало времени, так как они все еще в основном занимаются скотоводством, живут продуктами своих стад и едят больше мяса, чем хлеба. Они сражаются, терпят лишения и охотно жертвуют жизнью за свою страну и свободу. Они почти не носят защитных доспехов и полагаются в основном на свою подвижность; они не очень хороши в ближнем бою, но обычно побеждают в беговой схватке, полагаясь больше на свою активность, чем на силу.

В моде было держать открытый дом для всех желающих. "Тех, кто приходит утром, до вечера развлекают разговорами молодых женщин и музыкой арфы; ведь в каждом доме есть свои молодые женщины и арфы, выделенные для этой цели. В каждой семье искусство игры на арфе считается более предпочтительным, чем любое другое обучение; и ни один народ не свободен от ревности так, как валлийцы". После простого ужина (ибо народ не склонен к

обжорству или пьянству) "вдоль стенки зала стелют камыши, и все вместе ложатся спать ногами к огню. Они спят в тонких плащах и туниках, которые носят днем. Они получают много комфорта от естественного тепла людей, лежащих рядом с ними; но когда нижняя часть начинает уставать от жесткости кровати или верхняя страдать от холода, они встают и идут к огню, а затем, возвращаясь на диван, подвергают свои бока попеременно то холоду, то жесткости кровати".

Одаренные острым и богатым интеллектом, они преуспевают в любых занятиях, особенно в музыке. Они особенно славятся своим партесным пением, "так что в компании певцов, которую очень часто можно встретить в Уэльсе, вы услышите столько же различных партий и голосов, сколько исполнителей"(!), и этот дар по давней привычке стал естественным для народа.

"Они проявляют большее уважение, чем другие народы, к церквям и церковникам, к мощам святых, колоколам, святым книгам и кресту; и поэтому их церкви пользуются более чем обычным спокойствием".

Затем он переходит к другой стороне картины: "Ибо история без истины становится недостойной своего названия". "Эти люди не менее легки душой, чем телом, и на них ни в коем случае нельзя полагаться. Их легко побудить к любому действию и так же легко отучить от его осуществления. Они никогда не побрезгуют дать ложную клятву ради какого-либо временного преимущества..... Больше всех других народов они склонны уничтожать ориентиры своих соседей. Отсюда ссоры, убийства, пожары и частые братоубийства. Примечательно, что братья проявляют больше любви друг к другу, когда мертвы, чем когда живы; ибо живых они преследуют до смерти, а за мертвых мстят всеми силами".

Наконец, как научный наблюдатель политики, он рассуждает о том, как можно завоевать Уэльс и управлять им, и как валлийцы могут сопротивляться.

Князь, желающий покорить этот народ, должен посвятить этой задаче все свои силы по меньшей мере на целый год. Он должен разделить их силы, подкупам и обещаниями стараться возбудить одних против других, зная о духе ненависти и зависти, который обычно преобладает среди них. Он должен прекратить поставки, строить замки, использовать легковооруженные войска, причем в большом количестве; ведь если в битве погибнет много английских наемников, деньги обеспечат еще столько же, но для валлийцев потеря на время окажется невозполнимой. Он рекомендует обучить оружию всех английских жителей Марчей, ибо валлийцы сражаются за свободу и только свободный народ может их покорить. Его совет валлийцам таков: Объединяйтесь. "Если бы они были неразлучны, они были бы непреодолимы, если бы им помогали эти три обстоятельства - страна, хорошо защищенная природой, народ, довольствующийся малым, община, чьи дворяне и простолюдины одинаково обучены владению оружием; и особенно потому, что англичане сражаются за власть, валлийцы - за свободу; английские наемники - за деньги, валлийские патриоты - за свою страну".

Надеюсь, я смогу убедить тех, кто еще не знает Джеральда, познакомиться с ним и прочитать либо его работы об Ирландии и Уэльсе, переведенные в библиотеке Бона, либо блестящий и восхитительный том мистера Генри Оуэна "Джеральд Уэльсец", долг перед которым я хочу признать. Джеральд рассказывает нам о многих чудесах, но сам он совершил чудо не менее удивительное, чем все, о которых он рассказывает; он сохранил все очарование и свежесть молодости более чем на семьсот лет.

CASTLES & RELIGIOUS HOUSES (12th & 13th Centuries)

[Посмотреть](#)

увеличенное изображение

ЗАМКИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОМА. (12th и 13th века)

IV

ЗАМКИ

Уэльс - это прежде всего страна замков. Только в одном Гламоргане их насчитывается от тридцати до сорока. На прилагаемой карте, хотя она ни в коем случае не является исчерпывающей, показано общее расположение замков, которые можно разделить на три группы, имеющие своими основаниями Честер, Шрусбери и Глостер. Но хотя есть некоторые свидетельства организованного плана завоевания Уэльса во времена Вильгельма Руфуса, бесполезно искать какую-то большую и общую систему нападения или обороны, потому что большинство замков были построены не централизованным правительством с какой-либо подобной целью, а отдельными людьми для охраны собственных территорий и защиты своей независимости от соседей или английского короля. Великая эпоха строительства замков пришлась на период между 1100 и 1300 годами. Замки играют очень незначительную роль в боевых действиях в Уэльсе до конца одиннадцатого века. До этого времени каменных замков действительно было мало; обычным типом, даже ранних нормандских замков, был насыпной холм, окруженный деревянными палисадами. Например, можно услышать, что Вильгельм Завоеватель построил замок за восемь дней. Примером такого раннего типа крепости был замок Пембрук в конце XI века, "стройная крепость из кольев и дерна", которой посчастливилось управлять Джеральду Виндзорскому, деду Гиральдуса Камбрена. Она выдержала несколько осад, что свидетельствует о том, что осадные орудия валлийцев были весьма скудными и примитивными. Одна из этих осад превратилась в блокаду, и гарнизон едва не погиб от голода. Констебль прибегнул к проверенной временем уловке. "С большим благоразумием он приказал разрезать на мелкие кусочки четырех свиней, которые еще оставались, и бросить их врагу. На следующий день он прибегнул к более изящной хитрости: он придумал, чтобы в руки врага попало письмо от него, в котором говорилось, что в ближайшие четыре месяца помощь не нужна". Осаждающие были приняты и разошлись по своим домам.

Характерными типами замков в двенадцатом веке были прямоугольный и панцирный, в тринадцатом - концентрический. Из двух последних мы имеем великолепные примеры в Кардиффе и Каэрфилли. Прямоугольных замков в Уэльсе очень мало - единственный значимый из них Чепстоу, хотя на границах есть несколько, в частности, Ладлоу. Квадратный замок кажется нам наиболее характерным для норманнской военной архитектуры; лондонский Тауэр, Рочестер, Ньюкасл, замок Райзинг - хорошо известные примеры, и многие другие находятся в хорошем состоянии сохранности; массивных квадратных замков гораздо больше, чем хорошо сохранившихся раковинных, но это объясняется просто большей массивностью первых; В двенадцатом веке крепости-раковины были гораздо более многочисленны, и причины этого очевидны - прямоугольные крепости было гораздо дороже строить, и они были слишком тяжелы для возведения искусственных насыпей, на которых норманнские архитекторы обычно основывали свои замки.

Замок Кардифф - один из самых совершенных замков-ракушек. Он построен на круглой искусственной насыпи, окруженной широким и глубоким рвом - насыпь и ров, разумеется, дополняют друг друга. Такие курганы и рвы встречаются во всех частях Англии и в Нормандии. Они не являются ни римскими, ни британскими, ни, как утверждал мистер Г. Т. Кларк, характерными для англосаксонской работы. Они по сути своей нормандские, и хорошее изображение создания такого кургана можно увидеть на гобелене из Байе под заголовком "Он приказывает им копать замок". Когда был сделан курган в Кардиффе? Возможно, ответ на этот вопрос дает короткая запись в "Бруте": "1080 год, началось

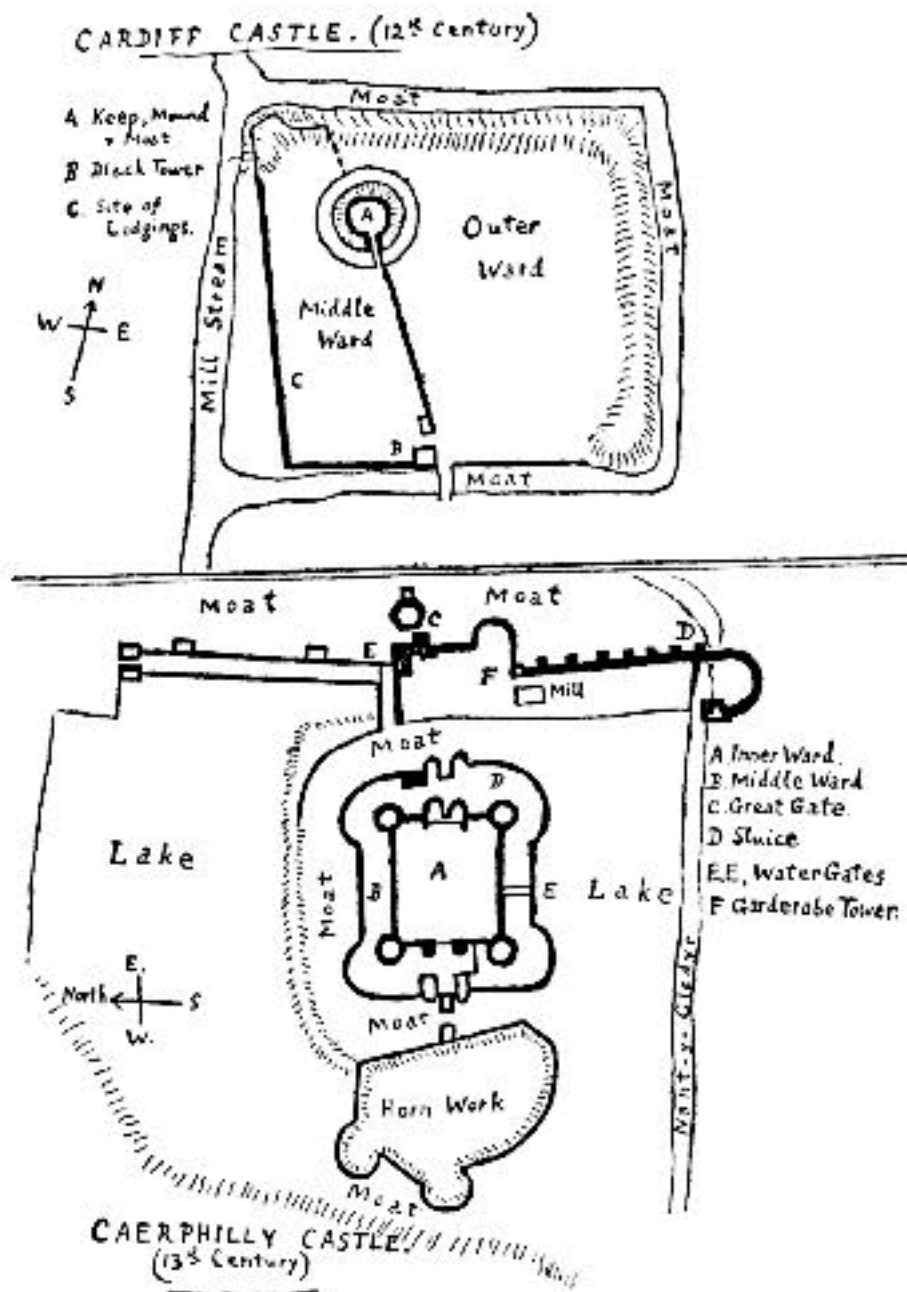
строительство Кардиффа". Тогда он должен был быть окружен деревянными палисадами, а над ним возвышалась деревянная конструкция, поскольку только что сделанный курган не выдержал бы каменной кладки. Панцирный замок, вероятно, был построен Робертом Глостерским, и, вероятно, именно в воротах этого замка был заключен Роберт из Нормандии. Панцирная крепость представляла собой кольцевую стену толщиной восемь или десять футов, высотой около тридцати футов, не покрытую ничем, и окружавшую открытый двор, вокруг которого располагались здания - легкие постройки, часто деревянные сараи, примыкавшие к кольцевой стене - такие, как сейчас можно увидеть во дворе замка Кох. Панцирная крепость была центром замка Роберта, но не всем. К этому времени относятся большие внешние стены на юге и западе - стены высотой в сорок футов и толщиной в десять футов, прочные на всем протяжении. Северная, восточная и часть южной стороны территории замка окружены земляными валами, под которыми недавно были обнаружены стены римского лагеря. Эти валы были увенчаны небольшой насыпной стеной. Снаружи вдоль северного, южного и восточного фронтов находился ров, который ранее питался водой из реки Тафф через ручей Милл-Лат, протекавший вдоль западного фронта. Нынешние домики, или жилая часть замка, построенная по обе стороны большой западной стены, датируется в основном пятнадцатым веком. Более ранние жилища, возможно, находились на том же месте, но только внутри стены; как правило, лорд не жил в замке, за исключением случаев опасности.

Площадь ограждения составляет около десяти акров - больше подходит для римского гарнизона, чем для лорда-маршала двенадцатого века. О том, что замок было трудно охранять, свидетельствует успех дерзкой вылазки Ивора Баха, ок. 1153-1158 гг. Ивор ап Мейрик был лордом Сенгенидда, владея им от Вильгельма Глостерского, лорда Гламоргана, и, возможно, имел свой штаб в крепости над нынешним Кастель Кох. "Он был, - говорит Гиральдус Камбрэнсис, - по примеру валлийцев, владельцем горной земли, которой граф пытался его лишить". В то время замок Кардиффа был окружен высокими стенами, охранялся 120 оружейниками, многочисленным отрядом лучников и сильной стражей. Ивор, несмотря на все это, тайно перелез через стены, схватил графа, графиню и их единственного сына и увез их в лес; и не отпускал их до тех пор, пока не вернул все, что у него несправедливо отняли, - и еще хороший выкуп в придачу. Возможно, самым постоянным результатом этого эпизода стало возведение стены высотой 30 футов между замком и Черной башней, разделившей крепость на две части и образовавшей внутреннюю или среднюю часть, менее протяженную и менее подверженную опасности от таких внезапных набегов.

Замок Кардифф был не только местом обороны, но и местом правления. В Средние века судебный пристав замка *по должности исполнял обязанности* мэра города. Замок также был главой и центром лордства Гламорган. Он был разделен на две части - ширский сбор, или тело, и члены. Ширская плата составляла южную часть; она подчинялась шерифу, назначаемому главным лордом: главные землевладельцы несли тягбу и службу, то *есть* присутствовали и находились под юрисдикцией суда шира, который ежемесячно проводился в замковом корпусе, и каждый должен был нести фиксированную сумму военной службы, особенно обязанность "замковой стражи" - обеспечивать гарнизон и поддерживать замок в порядке. О работе суда графства свидетельствуют некоторые счета замка, опубликованные в Кардиффских записях, *например*, в 1316 году чиновник отчитался за 1 дензнак, стоимость "веревки, купленной для повешения воров, приговоренных судом графства: жалование одному человеку, вешающему этих воров, 4 дензнака". Члены состояли из десяти лордств (несколько из которых находились в руках валлийских дворян): они были гораздо более независимы; у каждого был свой суд (с правом жизни и смерти), из которого можно было подать апелляцию в суд лорда в Кардиффе: в целом они не несли

никакой определенной службы лорду (кроме дани и иногда хериота при смерти), но при отсутствии наследников имущество отходило к главному лорду. В замке Кардиффа у лорда была канцелярия, подобная королевской канцелярии в небольшом масштабе: она выдавала грамоты, регистрировала службы и пожалования привилегий, а также юридические решения: практически все эти записи утрачены, и наши знания об организации лордства в основном почерпнуты из королевских записей в те периоды, когда из-за несовершеннолетия или выморочности лордство находилось под королевским управлением. Лорд Гламоргана должен был оказывать королю почтение, но не служить ему; и (хотя это иногда оспаривалось его арендаторами и королевскими юристами), из его суда не было апелляции в королевский суд. Механизм управления был, вероятно, более полным и продуманным в Гламоргане, чем в любом другом маркерском лордстве.

Замок Каэрфилли не имел такого политического значения, как Кардифф, но значительно превосходил его как крепость. По силе и положению Каэрфилли можно судить о власти Лливелина ап Груффидда после войны баронов и до воцарения Эдуарда I. Принц Уэльский распространил свою власть вплоть до Брекона, и валлийцы повсюду смотрели на него как на восстановителя независимости своей страны. Среди них был валлийский лорд Сенгенидд, один из главных "членов" Гламоргана, и его повелитель, вероятно, видел основания подозревать его в лояльности. Союз между ним и Лливелином открыл бы для валлийского принца нижнюю часть долины Тафф и дал бы ему власть над холмистой местностью к северу от Кардиффа. Именно на землях владыки Сенгенидда Гилберт де Клэр, граф Глостер, построил Кастелл-Кох и Каэрфилли.

[Посмотреть большее изображение](#)

изображение

ЗАМОК КАРДИФФ. (12th век)

ЗАМОК КЭРФИЛЛИ. (13 век)

Последний историк военного искусства называет Каэрфилли величайшим образцом своего класса; он представляет собой высшую точку средневековой военной архитектуры в этой стране и послужил образцом для великих замков Эдуарда I на севере. Он иллюстрирует влияние крестовых походов на Западную Европу, являясь примером "концентрической" системы обороны, самым великолепным примером которой являются стены Константинополя, и которую крестоносцы использовали во многих своих великих крепостях на Востоке.

Замок Каэрфилли состоит из трех линий обороны, и то, как они дополняют друг друга, показывает, что работа по существу была задумана как единое целое; она не росла по

частям. Конечно, есть много свидетельств изменений и перестроек в более поздние времена; здания в средней палате, с южной стороны, кажется, являются более поздними дополнениями; зал, кажется, был увеличен, и ажур окон предполагает четырнадцатого века; государственные комнаты к западу от зала были значительно изменены; но такие изменения, которые появляются, ограничиваются жилой частью замка, и не влияют на него как на военное сооружение. Было высказано предположение, что замок мог быть значительно расширен в последние годы правления Эдуарда II, когда он играл важную роль в связи с разделом наследства Глостера и амбициями младшего Деспенсера. В хрониках и публичных записях того времени есть несколько упоминаний о замке, но, по-видимому, ни одного упоминания о каких-либо строительных работах. А единство плана свидетельствует о том, что все постройки относятся к одному времени.

Замок построен на гравийной площадке, почти окруженной низкими болотистыми землями, образующими нечто вроде полуострова; на юге протекает ручей, текущий на восток к реке Римни, а на севере - два источника. Запрудив эти воды и прорезав язык гравия, на месте замка был создан искусственный остров. Внутренняя, или центральная, часть замка состоит из четырехугольника с большой круглой башней на каждом углу: в центре восточной и западной сторон находятся массивные ворота, защищенные портупееми; с выступающих угловых башен просматривалась вся промежуточная стена. Ворота сообщаются со второй линией обороны или средней палатой. Она полностью окружает внутреннюю, но находится на гораздо более низком уровне; это узкое пространство, ограниченное стеной, с низкими полукруглыми бастионами по углам; оно во всех отношениях контролируется с внутренней стороны; узость пространства препятствует концентрации больших масс нападающих или использованию таранов, и сообщение в нескольких местах прерывается стенами или зданиями, выступающими из внутренней части. Средняя палата имела мощные ворота на восточном и западном концах и была полностью окружена водой - с востока и запада рвом, с севера и юга ров расширяется в озера: обратите внимание, как на севере узкая гряда гравия была использована для обеспечения рва с водой на этой стороне, на случай, если воды не хватит, чтобы затопить все озеро. Эти озера составляют часть третьей линии обороны, или внешнего фронта, который включает в себя также на западе "рогатую башню", а на востоке - большой фронт. Рогатая крепость занимает площадь около трех акров и окружена стеной высотой 15 футов, которая имеет вид эскарпа, а земля возвышается над ней. Она полностью окружена рвом и соединена разводными мостами со средней палатой с одной стороны и с материком с другой. Вероятно, он использовался для выпаса скота и представлял большую ценность для гарнизона, но для реальной обороны замка гораздо эффективнее было бы озеро; однако природа земли не позволила бы этого сделать. Рогатая башня была призвана прикрыть единственную сторону, с которой замок был открыт для атаки с ровной поверхности, и занять то место, которое в противном случае было бы опасной платформой.

Восточная сторона внешней стены - парадный фронт - представляет собой очень внушительное сооружение. Это стена длиной около 250 ярдов и высотой в некоторых местах 60 футов, обставленная контрфорсами и выступающими башнями, с которых легко просматриваются промежуточные пространства, кульминацией которой являются большие ворота, расположенные в центре, и заканчивающиеся с обоих концов скоплениями башен, защищающих салли-порты. С внешней стороны находится ров, перекинутый через двойной разводной мост. Северная часть этого фронта, которая, вероятно, была занята конюшнями, в сухую погоду была бы наименее защищенной частью замка; но она была отрезана от остальной части крепостной стеной, идущей от ворот до внутреннего рва и пробитой только одними маленькими воротами с портупеей. Южная половина была более важной и сильной. Она пересекала ручей у плотины, толщина стен составляла 15 футов, где они подвергались

давлению воды, а мощная группа башен в конце, на другом берегу ручья, охраняла плотину, от которой во многом зависела безопасность замка; стена и башни здесь образуют полукруг, загибаясь к краю озера, чтобы избежать опасности быть обойденными с фланга.

На внутренней стороне парадного фасада находились различные постройки, например, мельница. Восточная линия была отделена от средней части ровом шириной 45 футов - слишком широкое пространство, чтобы через него можно было перекинуть один разводной мост, а поскольку нет никаких признаков фундамента центрального пирса, кажется вероятным, что мост опирался на деревянную опору, которую при необходимости можно было убрать, а нападавших сбросить в ров.

Существует большое количество интересных деталей, связанных как с военными функциями замка, так и с его внутренним хозяйством. Здесь было как минимум четыре выхода (не считая двух водных ворот); это давало гарнизону возможность преследовать нападающих приступами, а для блокады замка требовалась гораздо большая армия; в отличие от единственного узкого входа в норманнскую крепость, расположенного высоко в стене и видимого всем снаружи. Водяные ворота заслуживают изучения, особенно способы защиты восточных ворот - две решетки со стрелкой над и между ними. Следует также обратить внимание на "расклинивание" внешней стены, с помощью которого ракеты с вершины проецировались наружу; а также на использование мельничного потока для удаления мусора из башни-гардероба. И еще много других моментов, на которые хотелось бы обратить внимание, если позволит время.

История Каэрфилли в Средние века не должна нас долго задерживать. В 1271 году, во время строительства города, его осадил Лливелин. Лливелин заявил, что мог бы взять его за три дня, если бы его не убедили передать спор на рассмотрение короля. Очевидно, что замок не был закончен; вскоре после этого Гилберт де Клэр получил от короля лицензию на "достройку" замка: такая лицензия, как правило, не требовалась в Марче (как и в Англии) и была необходима только сейчас, поскольку король выступал в роли арбитра. Граф Глостер продолжал владеть замком. В следующий раз мы слышим о нем в 1315 году, когда он устоял под натиском Лливелина Брена. Тогда он находился в руках короля в ожидании раздела наследства Глостера между тремя наследницами. В 1318 году Каэрфилли вместе с остальной частью Гламоргана был пожалован младшему Деспенсеру, который, возможно, расширил зал и произвел другие перестройки, о которых говорилось выше. Эдуард II пробыл там несколько дней, спасая свою жизнь; если бы он доверился Каэрфилли, а не бежал дальше через Южный Уэльс, он мог бы спасти свою голову и корону; во всяком случае, была бы большая осада, чтобы добавить к истории средневековых войн. Приверженцы короля продержались в Керфилли несколько месяцев и сдались только тогда, когда король был мертв, бороться больше было не за что, и им позволили выйти на свободу. Счастлив тот замок, у которого нет истории. Совершенство Каэрфилли как крепости спасло его от серьезных нападений.

В заключение я приведу две иллюстрации отношений между гарнизоном замка и жителями за его пределами. Первая относится к Суонси. Существует любопытная хартия короля Джона к добрым людям Суонси, в которой он освобождает их от "обычая есть", навязанного им людьми из замка. Это была бы солидная вариация жидких скот-алей или бесплатных напитков, которые чиновники и гарнизоны имели привычку требовать от своих соседей, и которые были одной из самых постоянных жалоб в Средние века.

Вторая касается Буилта и взята из Патентных списков Эдуарда II за 1315 год. Тогда Буилт находился во власти короля, к которому горожане обращаются за разрешением жалоб.

Жители жалуются, что, хотя они обязаны возить в замок лес только два раза в неделю, их часто заставляют возить его три раза в неделю и больше, а также продукты; люди из замка заставляют их пахать свои земли и косить кукурузу, а в случае отказа требуют выкуп; они уносят из домов указанных заявителей различные продукты - барашков, гусей, кур и т. д. - и платят только четверть их стоимости или вообще ничего; и хотя жалобщики дали смотрителю замка 120 фунтов стерлингов, чтобы он избавил их от таких притеснений, он взял эти деньги и притесняет их точно так же. Кроме того, множатся суды, в которых приходится участвовать людям; недавно суд состоялся в то время, когда случилось такое большое наводнение, что ни всадники, ни пешие не могли подъехать к суду, и тогда тридцать шесть мужчин и женщин, опасаясь жестокости судебных приставов, сели в лодку и были захлестнуты потоком реки. А однажды ночью жители замка, злобно ища повода против городского простонародья, вышли из замка, притворились, что осаждают его, и пустили в него стрелы, а затем тайно вернулись в замок и объявили, что горожане напали на замок. И по этой причине многие бюргеры были заточены в замок и подвергнуты жестокому обращению, а их свиньи злонамеренно убиты. И ситуация стала настолько невыносимой, что многие из крупных бюргеров покинули страну, а оставшиеся, не получив скорейшего исправления, не могут оставаться".

Жизнь в замке, очевидно, была скучной: чтобы разбавить монотонность, приходилось играть в розыгрыши; да и за пределами замка жизнь была не из приятных. Сегодня замки Уэльса гораздо привлекательнее для нас, чем они были для тех, кто жил в них или вокруг них шесть или семьсот лет назад.

V

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОМА

Говоря о религиозных домах Уэльса, я буду иметь в виду те, которые процветали в двенадцатом и тринадцатом веках - период, который мы до сих пор изучали, - хотя есть соблазн вернуться к славе старых валлийских монастырей шестого века, таких как Ллантвит-Майор и Бангор-Искод, чьи смутные воспоминания всегда должны вызывать сильное восхищение. В Уэльсе, как и в Ирландии и других странах, монастыри этого раннего типа переживали не лучшие времена до двенадцатого века, многие были стерты с лица земли датчанами, а те, что остались, похоже, утратили дух жизни (за исключением нескольких отдаленных островов или недоступных гор) и не вели никакой борьбы за существование против энергичного вторжения нового монашества.

Мы будем рассматривать два вида религиозных домов - дома монахов и дома монахов. Для начала рассмотрим в самых кратких чертах основной ход развития религиозных орденов в Римской церкви. Правило святого Бенедикта (†541) было принято всеми монахами: его основными чертами были молитва, труд, молчание, общая жизнь и общее имущество. Но среди ранних бенедиктинцев каждый монастырь был независимым и самоуправляемым, хотя аббатство могло иметь приорство, в той или иной степени связанное с ним. В результате с течением времени дисциплина и жизнь монастырей бесконечно менялись, и не было никакого сотрудничества для самозащиты между различными монастырями. Поэтому в X

веке возник Ключийский орден - первая попытка организации. Аббат Ключи стал главой огромного количества монастырей в разных странах Европы; настоятели этих монастырей были обязаны подчиняться аббату Ключи, назначались им и платили доходы в главное аббатство и в общий фонд ордена. Таким образом, эта организация была монархическо-деспотической; аббат Ключи был папой монашества. Движение приобрело огромное влияние на Церковь в целом, получив контроль над папством, настаивая на независимости Церкви от государства и практическом соблюдении безбрачия духовенства. Но ключийцы, вместо того чтобы удалиться от мира, стали доминировать в нем, утратив многие существенные черты монашества. Поэтому около 1100 года возникло другое реформаторское движение - орден цистерцианцев, связанный с именем святого Бернарда. Его целью было возродить бенедиктинское правило во всей его строгости, особенно настаивая на ручном труде. Дома цистерцианцев основывались в безлюдных местах, как можно дальше от густонаселенных центров. Но орден отличался от первых бенедиктинцев своей организацией. Каждый цистерцианский дом был независимым и самоуправляемым, избирая своего аббата; но все аббаты были обязаны собираться в установленное время на общие собрания или капеллы, и эти общие собрания были высшим органом управления в ордене. Таким образом, единство было установлено; организация была тесной, но не монархической; орден представлял собой великую федерацию. Это высшая точка, достигнутая в развитии монашества.

Но примерно во время крестовых походов проявился другой идеал. До сих пор религиозный человек удалялся от мира: но, как сказал один старый летописец, "Бог нашел крестовые походы как способ примирить религию и мир" - разве нельзя было служить Богу в мире? Рыцарь сделал это; он продолжал сражаться, но сражаться за Гроб Господень. Военные ордена (тамплиеры и госпитальеры) совмещали жизнь монаха с жизнью солдата. Регулярные или августинские каноники сочетали жизнь монаха с жизнью приходского священника. И этот идеал - новый для Средневековья - получил свое высшее воплощение в монахах-доминиканцах и францисканцах. Монах покидал мир, чтобы стать религиозным; монах стремился сделать мир религиозным. Главной целью монаха было спасение собственной души, монаха - спасение душ других людей.

Теперь мы обратимся к монастырям в Уэльсе. Старых бенедиктинских домов было около пятнадцати, почти все они находились в Южном Уэльсе, и все, кроме одного, были не аббатствами, а приорами, или кельями, *то есть* зависели от какого-то аббатства в другом месте. Некоторые из них принадлежали иностранным аббатствам, особенно самые ранние. Так было с приорством Монмут, основанным бретонцем Вихеноком, которое принадлежало аббатству Святой Флоренции в Сомюре (Анжу); так было и с приорствами Абергавенни и Пемброк. Эти "чужие приорства" просто использовались зарубежными аббатствами в качестве источников дохода; они были иностранными, непопулярными, и во время французской войны в XIV-XV веках большинство из них были подавлены, а их доходы присвоены короной. То же самое относится и к трем ключийским кельям, основанным в Уэльсе, таким как Сент-Клирс, в которой, кажется, был только настоятель и один монах, которые жили не слишком строго, хотя Джеральд из Барри говорит, что ключийцы здесь были лучше, чем за границей, и не так плохи, как цистерцианцы. Жизнь монахов в этих отдаленных кельях, где они не находились под надзором и где не было "общественного мнения" монастыря, чтобы держать их в порядке, была, как правило, очень распушенной; они жили как миряне, присматривая за поместьями (обычно расточая их) и не особо заботясь о своих обетах: "Они жили как звери", - говорит Джеральд. Так, лорду Рису пришлось изгнать монахов из одной кельи из-за обвинений, выдвинутых против них отцами и мужьями из близлежащей округи, которые заявили, что уйдут в Англию, если зло не будет остановлено.

Другим классом домов были те, которые были основаны как приорства или кельи английских аббатств. Так, приорство в Бреконе было кельей аббатства Батл, основанного Бернардом Ньюмаркским и в значительной степени одаренного Браозами; Эуэнни, основанный Морисом де Лондрес, был кельей при соборе Святого Петра в Глостере. Все они, как и чужеземные приорства, были основаны норманнскими завоевателями и преследовали две цели: Во-первых, для душ основателя и его семьи, что было очень необходимо; норманны были в своем роде набожными людьми и приносили жертвы, чтобы завоевать благосклонность небес. Вильгельм де Браоз обычно давал своим клеркам "кое-что дополнительно" за вставку благочестивых выражений в свои юридические документы. Во-вторых, эти дома также служили замками и местами дислокации гарнизонов. Возьмем, к примеру, Юэнни: он больше похож на замок, чем на религиозный дом, с его огромными крепостными стенами и башнями, великолепными воротами, оснащенными тройным портупеей и "стрелками", или отверстиями в крыше для выливания расплавленного свинца на головы нападающих. Семья де Лондрес была как деловой, так и благочестивой; главной целью Эвенни было помочь им обрести небо, она же помогала им обрести землю. Тесная и постоянная связь, которую эти дома поддерживали со своими материнскими аббатствами в Англии и за границей, всегда сохраняла их англо-норманнские симпатии - иностранные гарнизоны. Но, признавая этот аспект деятельности монашеских домов в Уэльсе, следует избегать его преувеличения, как это делает, *например*, мистер Уиллис Банд. Он рассматривает все монастыри как основанные исключительно с этой политической целью: "Представлять, - говорит он, - валлийского принца в качестве основателя религиозного дома в Южном Уэльсе после 1066 года - значит представлять его как худшего из предателей. Какими бы плохими ни были валлийские вожди, даже они не решились бы ввести в свою страну то, что на самом деле было нормандскими гарнизонами"; и он отвергает идею валлийского принца, основавшего Страту Флориду. Эти замечания относятся только к тем религиозным домам, которые были зависимы от какого-либо английского или иностранного аббатства; они не относятся к цистерцианским монастырям, все из которых были практически равноправны и самоуправляемы; каждый избирал своего главу и не находился под иностранной диктовкой. Хотя весь цистерцианский орден представлял собой единый организм для целей монашеской жизни и дисциплины, каждое аббатство весьма примечательным образом отождествляло себя с местными или национальными устремлениями окружающего народа, из которого черпали свои силы монахи. Некоторые цистерцианские монастыри в Ирландии отказывались принимать в свои ряды англичан. Некоторые цистерцианские аббатства в Уэльсе были самыми горячими сторонниками независимости Уэльса.

Валлийские князья так же, как и нормандские бароны, ощущали потребность в , обеспечивающем безопасность их душ, и души обеих сторон нуждались в большом спасении. Кроме того, валлийцы не были отрезаны от великих движений мира; они, как и все остальные страны Европы, ощущали на себе волны религиозного энтузиазма, которые в двенадцатом веке привели к распространению цистерцианцев, в тринадцатом - к распространению монахов. В двенадцатом веке самыми угодными Богу поступками считались принятие креста и основание цистерцианского монастыря. И хотя многие валлийские вожди были просто импульсивными существами, были и те, кто смотрел в будущее. Лорд Рис был остроумным человеком, который не прочь был улучшить свои владения. Он владел огромными участками горной земли, которая практически ничего не стоила; он видел, как в других местах монахи-цистерцианцы не то чтобы расцветали, как роза, но, во всяком случае, использовали их под пастбища, держали стада овец, становясь великими шерстоводами для всей Европы; почему бы ему не передать свою бесполезную собственность цистерцианцам и тем самым не накопить себе сокровищ на небе и на земле?

Мистер Уиллис Банд говорит: "Как неестественно для валлийского князя основывать цистерцианское аббатство!" Конечно же, это было самым естественным поступком в мире.

Цистерцианцы имели гораздо большее влияние в Уэльсе, чем любой другой монашеский орден. Среди цистерцианских аббатств были Аберконуэй, Бейсингверк, Валле Крусис, Страта Марселла, Саймер, Страта Флорида, Квм Хир, Уитланд, Нит, Маргам, Ллантарнам, Тинтерн, Грейс Дье, Доре. В лице Джеральда мы имеем весьма неблагоприятное и предвзятое свидетельство о цистерцианцах. Он с благочестивым ужасом и человеческим удовлетворением рассказывает историю об аббате Страта Марцелле, который был великим основателем женских монастырей и в конце концов сбежал с монахиней (вскоре он раскаялся и вернулся в свое аббатство, предпочтя монахине хлеб и воду страдания). Джеральд имел личную неприязнь к цистерцианцам; желая собрать денег, он заложил свою библиотеку монахам Страта Флорида, а когда попытался выкупить книги, они заявили, что купили их, и не хотели отдавать.

Цистерцианцы, безусловно, вели жесткие переговоры и настаивали на своих правах до последнего фартинга. При чтении истории любого из этих цистерцианских домов - например, истории Маргама, написанной мистером Трисом Мартином, - первое чувство - разочарование: почти вся она посвящена собственности. Если вглядываться в историю в поисках свидетельств духовного влияния, то вместо этого можно обнаружить судебные преследования за браконьерство. Были ли у них школы и обучали ли они молодежь всей страны? Я не нашел никаких доказательств этого. Да и зачем? Монахи никогда не исповедовали себя учеными людьми или учителями. Многие из них были и теми, и другими, но вопрос о том, не нарушали ли они этим свое правило, остается спорным. Во всяком случае, это выходило за рамки их обязанностей. Их дело - служить Богу, совершать богослужения, а в промежутках ограждать себя от бед, занимаясь ручным трудом и делами милосердия. Маргам был особенно известен именно этим.

Аббатство Маргам было основано Робертом Глостерским в 1147 году, и брат Сен-Бернар, аббат из Клерво, самый важный человек в Европе в свое время, приехал сюда, чтобы договориться о создании дома. Его наделили землями англичане и валлийцы, такие как граф Глостер и лорд Сенгенидд. Уильям Маршалл, граф Пемброк, предоставил монахам свободу от пошлин во всех своих округах в Уэльсе и Ирландии. Браосы дали им привилегию "свободно покупать и продавать всевозможные товары без пошлин" в Гоуэре, и они имели право на все затонувшие корабли на побережье возле Кенфига. Мы видим, что аббат отстаивал свои права на ловлю рыбы то отлучая браконьеров от церкви, то используя более эффективный метод - предавая их суду Ширы в Кардиффе и налагая на них штраф в размере 3 долларов за голову. Монахи Маргама получили также право на владение Бристолем через графов Глостерских, что давало им большую коммерческую выгоду для продажи своей шерсти как в Англии, так и за границей.

Конечно, их земли и привилегии не всегда были бесплатными подарками. Так, в XII веке Гилберт Бурдин дарит землю в Маргаме, а взамен аббат дарит 20 с. дарителю, золотую монету его жене и красные башмаки каждому из его детей. В 1325 году Джон Никол из Кенфига передал свое имущество аббатству в обмен на пожизненную ренту. Он должен был получать ежедневно одну буханку, два пирога и галлон пива; также 6s. 8 д. на зарплату, четыре пары обуви (цена 12 д.), четверть овса и пастбище для двух животных.

В 1383 году годовой доход Маргама составил 500 марок, но до этого времени аббатство сильно страдало от наводнений, море и песок засыпали целые деревни и большую часть лучшего имущества дома; финансы были в плохом состоянии. Они были улучшены за счет

пожертвований десятины приходских церквей - излюбленная форма дарения монастырю, но очень скандальная. Настоятельская десятина выплачивалась монастырю, а монахи в лучшем случае назначали какого-нибудь малооплачиваемого викария для присмотра за приходом. Как правило, везде, где в Англии или Уэльсе вместо настоятеля есть викарий, объяснением является присвоение десятины монастырем.

Что же делал Маргам со своими доходами? В первую очередь на содержание сорока монахов и сорока братьев-мирян. Далее - строительство и поддержание в порядке церкви и других монастырских зданий; и, в-третьих, расходы на благотворительность и гостеприимство. Монастыри были гостиницами Средневековья, за исключением того, что в них не взималась плата, и Маргам славился своим гостеприимством на протяжении веков. Джеральд, враг монахов, говорит: "Это благородное аббатство славилось своими благотворительными делами больше, чем любое другое из этого ордена в Уэльсе. И в награду за ту обильную благотворительность, которую монастырь всегда, в трудные времена, проявлял к чужестранцам и беднякам, в сезон приближающегося голода их кукуруза и провизия были божественно увеличены, подобно вдовьему ящику с маслом". Два столетия спустя Папа Римский свидетельствует об известном и универсальном гостеприимстве аббатства Маргама. Оно располагалось на главной дороге между Бристолем и Ирландией, в отдалении от других мест убежища, и поэтому его постоянно посещали богатые и бедные странники, причем бедные явно преобладали. В связи с этим я приведу один пример мудрого милосердия со стороны этих монахов конца двенадцатого века. Хью, сын Роберта из Лланкарвена, дарит аббатству несколько земель в обмен на "четыре марки серебра и молодого быка, подаренные ему аббатом в его великой нужде". Монастырь оказывал некоторые из услуг современного банка.

Страта Флорида отличается некоторыми особенностями. Как и большинство цистерцианских домов, она лежит в стороне от проторенных дорог. Он был основан в 1164 году лордом Рисом на месте более древнего монастыря. Монастырь был наделен обширными землями, в основном горными пастбищами, и вскоре монахи начали строить церковь, трапезную и монастырь. Строительство монастыря было завершено в 1201 году, когда "монахи пришли в новую церковь, которая была возведена великолепной работы". Архитектурные детали этой церкви своеобразны и почти уникальны. Мистер С. У. Уильямс особенно отмечает большое количество переплетений в резьбе, которые можно увидеть на старых кельтских крестах и которые так характерны для кельтского искусства. Похоже, что монастырь очень скоро стал по сути валлийским. Почти все настоятели носят валлийские имена. Он был местом погребения князей Южного Уэльса; но поскольку после лорда Риса они стали совсем неважными, его политический интерес связан с князьями Гвинедда. Когда в тринадцатом веке князья Северного Уэльса добивались верности южноуэльсцев, они нашли Страту Флорида удобным местом для важных политических собраний. Именно здесь Лливелин ап Иорверт созвал всех валлийских вождей, чтобы выразить почтение своему сыну Давиду. Монастырь пострадал во время войн Эдуарда I, который в 1284 году выделил ему 78 фунтов стерлингов на ремонт. Но больше всего он пострадал во время восстания Оуэна Глиндвра, когда английские войска использовали его как казарму, а лошадей разместили в церкви и на хорах.

Патриотический тон Страты Флориды выражен в написанных там валлийских хрониках. Там была написана поздняя часть *Annales Cambriæ*, а также *Brut y Tywysogion*. В Маргаме также была составлена хроника, которая сохранилась. Когда аббатство решало начать писать хронику, первым шагом было заимствование хроники из другого дома; так, Маргам, основанный Робертом Глостерским, скопировал хронику Уильяма Мальмсберийского,

которая была посвящена Роберту Глостерскому. Монахи Страта Флорида скопировали раннюю часть *Annales Cambriæ*. Эти хроники, конечно, приобретают историческую ценность только тогда, когда становятся независимыми и современными. Они не ограничиваются монастырской или местной историей, а рассказывают о событиях, представляющих общий интерес для всей Британии и всей Европы, перемежая их извещениями о сожжении монастырского амбара или смерти местного аббата. Знания о большом мире поступали в аббатство через путешественников, которые останавливались в нем, через политические или церковные собрания, проводившиеся там, и через государственные документы, присланные монахам на хранение или для копирования. Как правило, мы не знаем, кто писал эти хроники; они были скорее работой общины, чем отдельных монахов. "Каждый год (так гласит постановление по этому вопросу) том помещается в *скрипторий*, к нему прикрепляются свободные листы бумаги или пергамента, на которых любой монах может делать записи о событиях, которые кажутся ему важными. В конце года не тот, кто хочет, а тот, кому велено, должен написать в томе как можно короче то, что он считает из всех этих свободных записей самым верным и лучшим для передачи потомкам." "Таким образом, монастырская летопись росла, как и монастырский дом, трудом разных рук и в разное время; но о головах, которые ее задумывали, о руках, которые ее исполняли, не сохранилось ни одной удовлетворительной записи. Личность теряется в сообществе".

Переходя к монастырям в Уэльсе, мы попадаем в другую атмосферу. Монахов не беспокоили вопросы собственности: у них ее не было; их средства к существованию зависели от милостыни верующих. Опять же, говоря в общем, можно сказать, что если бенедиктинский приор находится под сенью замка, а цистерцианское аббатство - в самом сердце страны, то монахи строились в трущобах городов. Поскольку городов в Уэльсе было немного, дома орденов мендикантов не были многочисленными и значимыми. Доминиканцы (или черные монахи) имели дома в Бангоре, Радлане, Бреконе, Хаверфордвесте и Кардиффе; францисканцы (или серые монахи) - в Кардиффе, Кармартене и Лланфесе; кармелиты (или белые монахи) - в Денбиге; остинские монахи - в Ньюпорте в Монмутшире. Примечательно, что у доминиканцев было больше домов в Уэльсе, чем у францисканцев; хотя францисканцы - мистические апостолы любви - были более близки кельтскому духу, чем доминиканцы, суровые поборники ортодоксальности. Франциск Ассизский стремился вновь воспроизвести на земле жизнь Христа - в букве и духе; религиозная поэзия Уэльса XIII века пропитана францисканским чувством, полным интенсивного осознания детства и страданий Христа, человечества Бога. Это можно проиллюстрировать следующим стихотворением валлийского монаха тринадцатого века Мадавка ап Гвалтера: - "Сын дан нам.

"Сын дан нам,
Сын добрый рождается...
Сын, чтобы спасти нас,
Лучший из Сыновей.

Бог, человек,
И Бог - человек.
С теми же способностями.
Маленький великан,
Крепкий тщедушный властитель
С бледными щеками.

Богато бедный
Наш отец и брат,
Возвышенные и низменные,
Мед умов;
С волом и ослом,
Господь жизни
Лежит в яслях;
И куча соломы
как кресло,
Одетый в лохмотья;

Бархат Ему не нужен,
Ни белого горносталя.
чтобы покрыть его;
Вокруг его кушетки
лохмотья видны
вместо виссона".

Я не знаю даты основания валлийских францисканских домов; даты, указанные в научной "Истории церкви в Уэльсе" мистера Ньюэлла, невозможны. Считается, что Лланфаес был основан Лливелином ап Иорвертом, а францисканское влияние пришло в Уэльс через Томаса Уэльсца, епископа Сент-Дэвида (1247), который был лектором францисканцев в Оксфорде и славился своей набожностью и образованностью. Еще один францисканец, о котором я хочу упомянуть, - монах Джон Уэлш, который в преклонном возрасте был нанят для переговоров с валлийцами в 1282 году. Он учился и преподавал в Оксфорде и Париже и достойно проявил себя рядом с такими интеллектуальными гигантами, как Фома Аквинский и Роджер Бэкон, его современниками. О широкой и продолжительной популярности его работ свидетельствует большое количество дошедших до нас рукописей и ранних печатных изданий. Но главным его интересом и делом жизни была популяризация знаний на благо нравственности. Он посвятил свои силы подготовке лекторов, которые должны были посещать францисканские монастыри в главных городах Англии и Уэльса и обучать монахов и духовенство искусству популярной проповеди. Монах Джон Уэльский был одним из главных вдохновителей движения "Расширение университетов" в Средние века. Эти популярные проповедники или лекторы мало что сделали для развития здравого знания, потому что они не изучали никакую науку ради нее самой, а только ради моральных уроков, которые они могли в ней найти. Но пробудить интеллектуальный интерес у широких слоев населения и стимулировать их нравственное чувство было делом, недостойным университетов; и эта цель была в какой-то степени достигнута. Одним из любимых способов провести каникулы в Средние века было пойти и послушать проповедь монаха. Вот краткое изложение проповеди монаха, построенной по методу монаха Джона Уэльского, о сравнительных достоинствах осла и свиньи.

"Свинья и осел живут не одинаково: ибо свинья во время своей жизни не делает ничего хорошего, а только ест, пьет и спит; но когда она умрет, тогда люди делают из нее много. Осел же трудится все дни свои и оказывает многим добрую услугу; но когда он умирает, нет него никакой пользы. Так и в мире. Одни не делают ничего доброго, пока живут, но едят и пьют и толстеют, а потом их утаскивают в адскую кладовую, а другие обогащаются их товарами. Откуда я знаю, что те, кто ради Бога живет в святой бедности, никогда не будут

испытывать недостатка в веществе, потому что у их Небесного Отца есть свиньи, которых можно убить. Ибо как добрый человек перед сезоном убьет свинью или двух, чтобы дать пудинги своим детям, так и Господь наш убьет закоренелых грешников раньше времени и отдаст их имущество детям Божиим. Псалмопевец говорит: "Кровожадные и коварные люди не проживут и половины дней своих", потому что они не делают никакой работы для поддержания здоровья своего тела. Ничто так не полезно для тела и души, как честный труд. Работа - это жизнь человека, хранительница здоровья; работа отгоняет грех и помогает людям спокойно спать по ночам. Труд - сила немощи, здоровье болезни, спасение людей, - возбудитель чувств, враг лени, кормилица счастья, долг молодых и заслуга старых. Поэтому лучше быть ослом, чем свиньей".

Одним из самых способных из этих "расширительных лекторов" был другой валлиец - вероятно, уроженец Кардиффа - монах Джон Дэвид, чьи лекции в Херефорде были настолько успешными, что через год и монахи, и духовенство города признали его незаменимым и ходатайствовали о его повторном назначении. Он стал главой францисканской провинции Англии и похоронен среди руин церкви Серых монахов в Кардиффе.

VI

ЛИВЕЛИН АП ГРЮФФИДД И ВОЙНА БАРОНОВ

На протяжении двенадцатого и тринадцатого веков история Англии и история Уэльса настолько тесно связаны друг с другом, что невозможно изучать одну из них в отрыве от другой. В качестве иллюстрации к этому общему утверждению я попрошу вас вкратце рассмотреть историю двенадцати лет, с 1255 по 1267 год - период, представляющий для нас особый интерес, поскольку именно в эти годы была основана и укреплена власть Лливелина.

В 1255 году произошли три события, имеющие огромное значение для Уэльса: (1) Лливелин сверг своих братьев в битве; (2) Эдуард Длинноногий завладел своими владениями в Честере; (3) Эдмунд Краучбек был официально провозглашен королем Сицилии.

1. Давид, младший сын Лливелина ап Йорверта, умер в 1246 году, не оставив потомков, и княжество захватили три сына его старшего брата Груффидда - Овейн Рыжий, Лливелин и Давид. Несколько лет они держались вместе, потому что Генрих III противился воцарению кого-либо из них, утверждая, что княжество является утраченным уделом по договору, заключенному с последним князем, Давидом ап Лливелином. Но через некоторое время король принял дань и признал права сыновей Груффидда. Освободившись таким образом от прямой враждебности английского короля, совместные правители вскоре рассорились, и в 1255 году дело дошло до открытой войны. "По наущению дьявола, - говорится в Brut у Тууwsogion, - между сыновьями Груффидда, а именно Овайном Рыжим и Давидом, с одной стороны, и Лливелином - с другой, возникли большие разногласия. И тогда Лливелин и его люди без страха, уповая на Бога, ждали в Брин Дервине жестокого прихода своего брата в сопровождении огромного войска, и не прошло и часа, как Овейн был взят, а Давид бежал, после того как многие из войска были убиты, другие взяты в плен, а остальные обратились в бегство. И тогда Овейн Рыжий был заключен в темницу, а Лливелин без всякого

сопротивления завладел территорией Овейна и Давида". Так Гвинедд был объединен под властью одного правителя.

2. Политика Генриха III заключалась в том, чтобы собрать графства в руках своих родственников. Так, большое палатинское графство Честер, перешедшее к короне из-за отсутствия наследников, в 1254 году было пожаловано старшему сыну короля, Эдуарду. Помимо Честера и зависимых территорий Эдуард получил Монтгомери и королевские земли в Южном Уэльсе (Кардиган и Кармартен), Ирландии и Гаскони - фактически всю территорию за пределами Англии, на которую у короля были права. Эти владения должны были дать наследнику престола разнообразный опыт и великолепную подготовку в искусстве управления государством. Эдуард нуждался в такой подготовке, как показывает история его ранних лет. В 1255 году ему было всего шестнадцать лет, но в Средние века мужчины жили недолго и выросли очень рано. Эдуард женился в 1254 году, и до двадцати лет у него был большой опыт в войне и государственном управлении. Это было дикое время, и юный Эдуард был одним из самых необузданных; когда он скакал по стране в сопровождении двухсот своих последователей - в основном развязных и заносчивых иноземных авантюристов, - которые грабили и опустошали землю, а также избивали и даже калечили прохожих ради забавы, люди с большим страхом ожидали воцарения такого грубияна. Несколько лет ответственности и неудач вскоре превратили его в самого благородного и законопослушного из Плантагенетов. Именно Уэльс стал для него первым уроком. Он впервые попробовал свои силы в реорганизации "Средней страны", сделав ее "землей широв", введя английское законодательство и административную систему; та же политика была применена в Кардигане и Кармартене, которые образовали одно ширство с ширмотом и обычными институтами английского графства. Некоторые валлийцы уже обращались к королю с просьбой ввести в Уэльсе английское право, жалуясь на то, что по валлийским законам преступление виновного возлагается на невинные отношения. В лучшем случае это была задача, которая требовала очень тщательного управления, а Эдуард и его советники были еще совершенно не приспособлены к ней, склонные к насильственным методам, с наглым презрением относящиеся ко всем обычаям и привычкам, отличающимся от тех, к которым они привыкли, и ко всем сословиям, кроме своего собственного. Результат был описан валлийским летописцем: После возвращения Эдуарда в Англию "дворяне Уэльса пришли к Лливелину, лишившись своих свобод и попав в плен, и заявили, что они скорее будут убиты на войне за свою свободу, чем потерпят, чтобы их топтали чужаки. И Лливелин был тронут их слезами, и вторгся в Среднюю страну, и покорил ее всю до конца недели". В этом деле Лливелину помогали потомки Риса, князя Южного Уэльса, которые в Кардигане пострадали от политики принца Эдуарда так же, как и жители Средней страны или Четырех Кантретов. Этот союз Северного и Южного Уэльса - одна из особенностей борьбы при Лливелине ап Груффидде. То, что валлийцы севера должны были присоединиться к валлийцам юга, было, как отмечает Мэтью Пэрис, "обстоятельством, никогда не известным прежде". И Лливелин был достаточно государственным деятелем, чтобы понять важность этого союза и предпринять шаги для его укрепления. Вернув себе Среднюю страну, он двинулся на юг, овладел Кардиганом и Буйльтом - в то время они принадлежали короне, хотя и находились под властью Мортимера - и отдал эти районы Мередиду, внуку лорда Риса, в вассальное владение - мудрая мера, призванная привязать южан к нему общими интересами. Мэтью Пэрис, который ставит сопротивление валлийцев тирании в пример англичанам, вкладывает в уста Лливелина поразительную речь в пользу единства: "Давайте же держаться вместе, ибо, если мы останемся неразлучными, мы будем непреодолимы" - те самые слова Джеральда из Барри, чей совет принес плоды. Но Мередида вскоре оказался предателем, и провал кампании Генриха III в 1257 году был связан не столько с объединением валлийцев, сколько с разъединением англичан.

3. Это подводит нас к третьему событию, о котором упоминал выше, - провозглашению Эдмунда королем Сицилии. Папа пытался завоевать Сицилию, но хотел, чтобы кто-то другой оплатил военные расходы. Попробовав разных людей, он убедил Генриха III принять сицилийскую корону для Эдмунда и пообещать огромные суммы для оплаты папских войск, а также заложить все свое королевство в качестве гарантии платежа. Это, последовавшее за многими годами неправильного правления и длинной череды поборов, привело непосредственно к кризису царствования - революции, известной как Оксфордские положения 1258 года, в результате которой полномочия правительства были отняты у короны и переданы комитетам баронов.

Недовольство Генрихом III сразу же проявилось в валлийской войне. "Те, кто обещал королю помощь, не пришли"; и когда все рыцарство Англии было созвано для встречи в Честере, были слышны лишь "многочисленные жалобы и ропот". Можно было ожидать, что лорды-марчеры, во всяком случае, сплотятся вокруг короля; но они не были склонны содействовать укреплению королевской власти в Уэльсе, что поставило бы под угрозу их независимость, и с радостью наблюдали за тем, как эта затея срывается. Некоторые из них даже дошли до того, что стали посылать валлийскому принцу секретные сведения. Королю пришлось бесславно отступить, преследуемый Лливелином и сопровождаемый насмешками врагов. Некоторых из нас может заинтересовать тот факт, что в этой войне английская армия сражалась, как часто бывало, под штандартом Дракона; вероятно, Дракона, изготовленного в 1244 году Эдвардом Фиц Одо, королевским ювелиром, которому было приказано сделать его "на манер штандарта или прапорщика, из красного самита, расшитого золотом, и чтобы язык его казался постоянно движущимся, а глаза из сапфира или других камней, подходящих ему". Это было в 1257 году; в 1258-м и последующих годах король был еще менее способен напасть на Лливелина и вынужден был согласиться на позорное перемирие.

Почти все английское баронство под предводительством Симона де Монфора, графа Лестера, и Ричарда де Клера, графа Глостера, объединилось против короля, которого поддерживала только королевская семья и те из его иностранных родственников, которым он даровал графства, баронства и епископства в Англии или Уэльсе. Если бы Лливелин довольствовался захватом королевских земель в Уэльсе - территорий, пожалованных Эдуарду, - и Поуиса, принадлежавшего английскому королю, ему нечего было бы бояться в это время со стороны английского баронства, а корона была бы бессильна сопротивляться. Из английских летописей ясно, что английский народ искренне восхищался сопротивлением валлийцев. "Их дело, - говорит Мэтью Пэрис, - казалось справедливым даже их врагам". Но Лливелин нападал на великих лордов-марчеров; поборнику валлийского патриотизма было трудно избежать этого - возможно, Лливелин не смог досконально разобраться в политической ситуации в Англии, как он, безусловно, не смог разобраться в ней после воцарения Эдуарда I. Первым от него серьезно пострадал Роджер Мортимер, лорд Среднего Марча; так, Лливелин изгнал его из Гвертриниона и Маэлиенидда и присоединил эти территории к своим собственным. Подобные успехи вызвали большой энтузиазм среди валлийского дворянства, хотя и вызвали тревогу и ревность некоторых принцев (например, Мередидда и брата Лливелина Давида, который "по наущению дьявола" оставил дело и перешел на сторону англичан). Но добрые люди Брекона восстали против своего господина, графа Херефорда, и присоединились к Лливелину, который в 1262 году пришел и принял их подданство.

Эти события изменили общую ситуацию. Лордам-мракоборцам стало ясно, что их власть находится под угрозой из-за успеха Лливелина и что они должны объединиться с принцем Эдуардом. Лорды-мракоборцы начали формировать роялистскую партию. Так, Мортимер,

который в 1258 году был одним из лидеров баронской оппозиции короне, в 1260 году действовал вместе с королем против баронов. Мортимеры больше всех из Марчеров пострадали от успехов Лливелина не только потому, что их территории лежали рядом с Гвинеддом, но и потому, что почти все их земли лежали в Марче или рядом с ним; у них все яйца были в одной корзине, в то время как у других ведущих лордов Марчеров были большие владения в других местах, из которых они черпали большую часть своих доходов, используя свои мартовские земли в качестве плацдарма для набора войск. Так, для де Клеров их поместья в Кенте, вероятно, стоили как источник дохода больше, чем весь Гламорган; у них также были поместья в Хартфорде, Саффолке, Хэмпшире и других местах; Фицаланы были крупными землевладельцами в Сассексе; Бохуны из Херефорда владели обширными акрами в Хантингдоне, Эссексе и Хартфорде. Для этих людей ограничение королевских полномочий - особенно права на взимание налогов и права короля нанимать иностранцев на ответственные должности - было важнее, чем сдерживание продвижения Лливелина, что, конечно, ослабляло короля и облегчало применение конституционных прав против него.

И все же перед нами одна из причин, которая нарушила единство баронства, создала роялистскую партию и привела к открытой войне. Вряд ли это было достаточно подчеркнуто. Обычно говорят, что вопрос, по которому раскололись бароны, был вопросом признания народного представительства в управлении страной - вопрос, одним словом, о Палате общин. Симон де Монфор был лидером народной партии, Ричард де Клер, граф Глостер (до своей смерти в июле 1262 года), - лидером олигархической партии, которая стремилась просто передать королевскую власть комитету баронов. Это, несомненно, было самой важной причиной ссоры, поскольку речь шла о принципиальном вопросе, имевшем большие последствия для будущего и повлиявшем на весь ход английской истории, в то время как отношение, которое бароны должны были занять по отношению к Лливелину, было для них лишь вопросом политической тактики. Но вполне вероятно, что в глазах современников - и уж точно в глазах большинства лордов-маргиналов - последний выглядел более значительным.

Поэтому, когда весной 1263 года разразилась война, старшие лорды-мракоборцы, такие как Роджер Мортимер и Хэмфри де Бохун, сражались на стороне короля, хотя младшие - Гилберт Глостерский и Хэмфри де Бохун, сын Херефорда, - оставались под чарами очарования и высокодуховного энтузиазма Симона де Монфора. Война началась в Уэльских маршах, Симон атаковал войска Эдуарда Честерского и Роджера Мортимера - главных роялистов. Поскольку они также были самыми грозными врагами валлийцев, Лливелин в то же время атаковал их с другой стороны, причем баронская партия и валлийцы сотрудничали, хотя и без формального союза или дружеских чувств. Так, в 1263 году армия баронов осадила Шрусбери, который защищался до тех пор, пока "несметное воинство" валлийцев не подошло и не начало атаковать его с другой стороны; тогда город сдался баронам, чтобы не попасть в руки валлийцев.

Эта кампания привела к очень большому отступлению со стороны баронов: лорды-маршалы в целом - такие как Клиффорд и Фицалан - отвергли Саймона, который предстал предателем страны. О том, насколько велико отступничество, свидетельствуют слова Саймона: "Пусть все покинут меня, но я с моими четырьмя сыновьями останусь верен справедливому делу, которое я поклялся поддерживать ради чести Церкви и блага королевства; я был во многих землях, языческих и христианских, но ни в одной я не нашел такого безверия, как в Англии".

Теперь роялисты были самой сильной стороной в Марче, и в 1264 году Эдуард и Мортимер одержали ряд успехов над войсками Саймона и Лливелина (которые, похоже, действовали вместе) и захватили Брекон. Но их отозвали к главному очагу войны в Мидлендс, и Саймон

нанес роялистам сокрушительное поражение при Льюсе, в Сассексе, в 1264 году. Похоже, что в армии Саймона сражались валлийские лучники, но это были южно-валлийцы, а не северные валлийцы, войска Гилберта де Клера, а не Лливелина. Мракоборцы, бежавшие из Льюса, были преследованы Саймоном и, будучи окруженными его войсками и войсками Лливелина, покорились в декабре 1264 года.

Но Симон в час триумфа был близок к своему падению, которое стало неизбежным из-за отступничества Гилберта де Клера и всего Глостерского интереса. Причины ссоры, как указано в хрониках, в основном личные. Симон, при всем своем величии, был вспыльчивым и властным, склонным к захвату власти и, возможно, даже скупым; об этом можно судить по высказыванию дружественного летописца Уильяма Ришангера: "Его привычной молитвой к Богу было то, что он спасет его от скупости и жадности к мирским благам". Но, не считая чисто личных вопросов, следует отметить, что чем ближе становились отношения между Саймоном и Лливелином, тем менее сердечными становились его отношения с Гилбертом де Клэром. Так, когда Саймон сотрудничал с Лливелином в приведении Мортимера и маршалов к покорности в декабре 1264 года, Гилберт начал интриговать с ними; а вскоре после того, как знаменитый парламент 1265 года передал Саймону графство Честер, избавив Лливелина от его самого опасного соседа, принца Эдуарда, Гилберт определенно присоединился к Мортимеру и Эдуарду. Встреча этих троих в Ладлоу очень важна; ведь теперь принц Эдуард, по примеру Глостера, окончательно посвятил себя делу реформ и хорошего правительства. О рыжем графе Глостере можно сказать, что, бросив Саймона, он не бросил свое дело. Для обеспечения будущего английских свобод больше не было необходимости поддерживать де Монфора: "отныне не Саймон, а Эдуард лучше всего представляет дело упорядоченного национального прогресса".

Через несколько дней после дезертирства Глостера Саймон заключил первый официальный договор с Лливелином, уступив ему Хаварден, Элсмир, Монтгомери, замок Мод, ряд крепостей вдоль восточной границы, признав за ним право на титул принца Уэльского и подданство всех валлийских баронов, а Лливелин обязался поставить Саймону пять тысяч копьеносцев и совершить набег на владения Мортимера и де Клера. Первая часть Эвешемской кампании проходила в Гвенте. Принц Эдуард удерживал линию реки Северн, отделяя Саймона в Херефорде от его английских партизан. Саймон, пока ждал, пока его английские сторонники сосредоточатся, вошел в Монмутшир, где к нему присоединились копьеносцы Лливелина и опустошили поместья Глостера, пытаясь заманить роялистов в Уэльс. Эдуард последовал за ним, но молодой принц - его ученик как в войне, так и в политике - превосходил его во всех отношениях, и Саймон спасся только в Ньюпорте, поспешно переплыв реку и сжег за собой мост. Он сохранил Уск между собой и своим врагом, но это повлекло за собой долгий поход на север, через горы и бесплодную местность, и он вернулся в Херефорд с полуголодной армией, только чтобы обнаружить, что линия Северна удерживается сильнее, чем когда-либо. Мы не можем проследить остаток кампании, отмеченной блестящей стратегией молодого Эдуарда, которая доказала, что он прирожденный мастер военного искусства. В финальной битве все преимущества были на его стороне, и нельзя винить копьеносцев Гвинедда за то, что они пытались спастись бегством при "убийстве в Эвешеме". Тело великого графа Лестера было позорно изуродовано завоевателями, а его голова была отправлена в качестве достойного подарка Матильде де Браозе, жене Роджера Мортимера.

В течение двух лет борьба продолжалась как в Англии, так и в Уэльсе. В Англии приверженцы Саймона держались благодаря суровости условий, на которых настаивала победившая сторона. Они известны как "Лишенные наследства", и их дело отстаивали два врага -

Лливелин и Гилберт де Клэр. В "Бруте" говорится, что в 1267 году "Лливелин вступил в союз с графом Клэром, и тогда граф отправился с огромной армией в Лондон и благодаря предательству горожан овладел Тауэром. И когда король Генрих и его сын Эдуард узнали об этом, они собрали огромную армию, пошли к Лондону и напали на него, и на определенных условиях заставили графа и горожан покориться". В "Винчестерских анналах", современной английской хронике, рассказывается о том же событии, но без упоминания Лливелина: "Граф Гилберт взял Лондон, и лишенные наследства стекались к нему, как к своему спасителю; мир был заключен в июне, и многие из лишенных наследства были умиротворены при помощи графа Глостера". Очевидно, что каждый из этих соперников выступал в роли защитника Лишенных наследства, но по противоположным причинам. Целью Лливелина было поощрить их сопротивление и сохранить Англию разделенной гражданской войной; целью Гилберта - настоять на лучших условиях, чтобы побудить их уступить. Гилберту удалось добиться мира и реформ. Лишенным наследства было разрешено платить штраф, а не терять все свое имущество, и многие правовые реформы, которых требовала баронская партия в начале борьбы, были воплощены в Статуте Мальборо. Теперь граф Глостер использовал свои ресурсы для укрепления своего владения Гламорган, чтобы противостоять угрожающему вторжению Лливелина, построив Кастелл Кох и Каэрфилли.

Лливелин продолжал свою победоносную карьеру до тех пор, пока длилась война. В 1266 году он нанес Мортимеру сокрушительное поражение при Бреконе. Осенью следующего года, когда в Англии установился мир, он при посредничестве папского легата заключил Монтгомерский договор. Лливелин сохранил за собой четыре кантреда Средней страны, а также Кайдвейн, Сери, Гвертринион, Буилт и Брекон. Но Маэлиенидд был возвращен Роджеру Мортимеру, хотя Лливелин оставил за собой право обжаловать эту статью в суде. Кроме того, принц Гвинедда получил наследственный титул принца Уэльского и был признан владыкой всех валлийских баронов в Уэльсе, кроме Мередидда ап Риса, который оставался непосредственным вассалом короля Англии: его территории в долине Тоуи были выведены из-под власти Лливелина. Принц Уэльский в ответ оказал ему почтение и согласился выплатить 25 000 марок в рассрочку. Этот договор менее благоприятен для Лливелина, чем договор 1265 года. Его права на Дехубарт были урезаны, и он отказался от претензий на Элсмир и Монтгомери, а также от владения Маэлиниддом.

Папского легата, заключившего договор, нельзя поздравить с мастерством составления. Многое осталось нерешенным, и возникла целая серия споров. Так, Лливелин, похоже, претендовал на сюзеренитет над лордом Сенгенидда как один из "валлийских баронов", хотя под этим термином, несомненно, подразумевались только те валлийские бароны, которые находились в прямом подчинении у короля, а не вассалы лорда Гламоргана. Однако очевидно, что Лливелин не пытался соблюдать договор. Он продолжал интриговать с английскими баронами, выдавая себя за преемника Симона де Монфора и не замечая, что Эдуард I был политическим наследником великого графа. Он пытался сбросить с себя сюзеренитет Англии, в результате чего потерял независимость своей страны. Он жил в атмосфере энтузиазма и лести и не осознавал пределов своей власти. Барды, которыми он был окружен, оказывали на него "крайне пагубное влияние в практических делах" и плохо отплатили за его щедрость, побуждая его совершать невозможное.

"Его барды любезны за его столами,
Я видел, как он щедро раздавал свои богатства,
А его медовухи наполнены щедрыми напитками.
Я никогда не возвращался с севера с пустыми руками".
Барды пророчествуют, что он будет обладать правительством и суверенной властью;

Все предсказания наконец-то исполнились".

Но если Лливелин и не обладал твердой головой практичного государственного деятеля, если он, как и его дед, не заслужил титула "Великий", он всегда останется привлекательной и яркой фигурой в истории; он обладал качествами, которые делали его идеальным представителем кимрской расы в Средние века: - "Смелый, щедрый, щедрый и щедрый".

"Смелый и щедрый лев - самый безрассудный из дарителей,
Человек, чей гнев был разрушительным; самый учтивый принц;
Человек, искренний в горе, верный в любви,
Совершенный в знании".

БРАТЯ УНУИН, ГРЕШЕМ ПРЕСС, УОКИНГ И ЛОНДОН.

НЕКОТОРЫЕ ВАЛЛИЙСКИЕ КНИГИ.

УЭЛЬС. Оуэн М. Эдвардс. Crown 8vo, ткань, 5s. (Серия "История народов").

НАРОД ВАЛЛИЙЦЕВ. Джон Рис, М.А., и Дэвид Бринмор-Джонс, Q.C., М.Р. Третье издание, пересмотренное. Demy 8vo, ткань, 16s.

УЭЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Под редакцией Оуэна М. Эдвардса, автора книги "Уэльс". Каждый том в формате Foolscap 8vo. 2s. Ткань, 1s. Бумага.

Vols. 1-3. МАБИНОГИОН.

(В процессе подготовки.)

ЛОНДОН: Т. ФИШЕР УНВИН.

Примечание транскриптора

Незначительные типографские ошибки в пунктуации и вариации дефиса исправлены без примечаний.

Внесены следующие изменения:

Страница [vi-Cymry](#) изменена на Kymry-"... Thomas Stephens, "Literature of the Kymry"; ...".

Стр. [21-гармонично](#) исправлено на гармонично -"... и принц Северного Уэльса гармонично работают вместе".

Стр. [34-Фитцхеймон](#) изменено на Фицхеймон-"...дочь и наследница Фицхеймона, завоевателя Гламоргана."

Стр. [37-Карадог](#) исправлено на Карадок-"...приписывается Карадоку из Лланкарвена, на что опираются его биографы...".

Стр. 80 - [добавлено](#) слово "the" -"...воевал в Уэльсе до конца ...".

Стр. [84 - "Сенгеннидд"](#) изменено на "Сенгенидд" - "Ивор ап Мейрик был лордом Сенгенидда, ...".

Иллюстрация на странице [88](#) (Замки Кардиффа и Каэрфилли) была перемещена так, чтобы она не находилась в середине абзаца.

Пробелы в нумерации страниц вызваны дублирующимися названиями, которые были удалены, и пустыми страницами.

Рекламные материалы перенесены в конец текста.